

ДМИТРИЙ
ЯНКОВСКИЙ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БОЛЬШАЯ ОХОТА

НОВЫЙ ХИТ
АВТОРА
«ПРАВИЛ ПОДВОДНОЙ
ОХОТЫ»
И
«МИРА ВЕЧНОГО
ЛИВНЯ»!

Дмитрий Валентинович Янковский
Большая Охота
Серия «Правила
подводной охоты», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153902

Аннотация

Ужас обрушился на человечество из океанских глубин. Страшное биотехнологическое оружие, обладающие интеллектом органические торпеды и мины, выведенные в военных лабораториях, отказались подчиняться своим создателям. Теперь Мировой океан – территория, запретная для человека.

Когда Андрей Вершинский был подростком, морские твари лишили его самых близких людей. Повзрослев, Вершинский становится профессиональным авантюристом, но мысль о мести не оставляет его. Подняв груз золота с затопленной биотехами баржи, он собирает на эти средства команду одержимых морем бойцов и вскоре открывает смертельно опасный сезон Большой Охоты на разумное оружие, завладевшее океаном.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	62
Глава 5	84
Часть вторая	95
Глава 6	95
Глава 7	123
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Дмитрий Янковский

Большая Охота

*И я знаю, что так было всегда,
Что судьбою больше любим,
Кто живет по законам другим,
И кому умирать молодым.*

В. Цой

Часть первая

Смерть в океане

Глава 1

Черный день

Конечно, нам не надо было выходить в океан. Особенно в такой шторм. Особенно, когда никто этого не делал уже целых пять лет. Но зло, которое грозило вырваться из-под земли на небольшом острове в Тихом океане, было неотвратимым и страшным, как сама смерть.

Сколько себя помню, боялся грозы. Всегда, когда на горизонте появлялись зарницы, я прятался в нашем бунгало, с головой укрывался под одеялом, крепко зажмуривался и

ждал, когда ударит стихия. А потом, когда тростник начал гнуться под натиском тропического ливня, вздрагивал от каждого удара грома. А он грохотал и грохотал – непрерывно.

В тот день, когда мы вопреки всякому здравому смыслу должны были уходить в океан, тоже была гроза. Но я не кричал и не трясся от страха, потому что видел: взрослым не до меня. Взрослые искали корабль. И хотя кораблей в порту было достаточно, но подавляющее большинство их было в большей или меньшей степени затоплено, остальные были давно заброшены, проржавели и потеряли ход. Но нам обязательно надо было покинуть остров. Стоило нам остаться, и грядущее землетрясение все равно утопило бы нас вместе с островом, всех до единого. И тогда шансов не было бы уже ни у кого.

В центре острова бушевал вулкан, плюясь в небо раскаленными, оставляющими трассирующие следы камнями, извергая клубы черного дыма и пепла, трясаясь и взрываясь все сильнее с каждым часом. В черной туче над нами непрерывно сверкали молнии, а грохот грома и извержения слились в непрерывную оглушительную канонаду. Мне бы и в голову не пришло ее перекрикивать в попытке произнести хоть какое-то слово, хоть какое-нибудь детское испуганное причитание. Я был подавлен стихией, подавлен настолько, что мое сознание отказывалось анализировать происходящее. Мама тянула меня за руку, и я плелся за ней, с трудом переставляя

ноги, не зная куда, не зная зачем, не представляя, что ждет нас на этом пути. Мы двигались плотной толпой, следуя за дядей Эдом, все четыреста островитян, включая детей, и я предполагал, точнее чувствовал, что нас ждет неминуемая и страшная смерть. Всех. Мне было очень страшно, потому что, несмотря на возраст, я понимал весь ужас безвыходности положения, в котором мы оказались. Выйдя в океан, мы из клыков стихии попали бы в когти другого зла – человеческого.

Немного вселяло надежду лишь то, что с человеческим злом можно хоть как-то бороться, этому меня всегда учил отец. Когда-то он был рыбаком. До войны. До войны многие были рыбаками на этом острове, но когда все закончилось, когда воздух перестал ухать далекими взрывами высотных бомб, выйти в океан было уже невозможно. Там поселилась Смерть. Она поджидала неосторожного, а потом быстро и точно с ним расправлялась. Десятки случаев – и никто больше не рисковал. Никто, кроме отца.

Когда очередное цунами смыло посеы в западной части острова, начался голод. Было очень тяжело, и, когда кончились припасы, отец рискнул. Он очистил от песка давно заброшенный катер в эллинге, взял рыболовные снасти и вышел в океан. Никто не верил, что он вернется. Но он вернулся, причем с полным грузом рыбы, и после этого наша семья уже никогда не бедствовала. И никто на острове больше не бедствовал, потому что отец нашел способ обмануть Смерть.

То человеческое зло, которое убивало людей в океане.

До него многие пытались сопротивляться. Пытались и гибли один за другим. Вступали в поединок с кошмарными тварями глубины и каждый раз проигрывали. Потому что они были слишком разумны, эти твари. Почти так же разумны, как их создатели, с той разницей, что весь их разум был направлен только на эффективное уничтожение. Они не умели ничего другого, они были созданы только для этого. И созданы, как это ни дико, людьми. Сначала в секретных биотехнологических лабораториях, затем на заводах, когда война была в самом разгаре. По иронии судьбы война кончилась именно из-за огромного количества биотехнологического оружия в океане. Вместо связующих путей моря превратились в гиблые места, по которым не могло пройти ни одно судно, даже рыбацкая лодка. А потом на материке началась страшная эпидемия легочного вируса, доведя ситуацию до логического завершения. На островах люди тоже болели и умирали, но на материках эпидемия оказалась столь опустошительной, что человечество ужаснулось потерям.

Около пяти лет искусственно выращенные разумные торпеды, мины и донные ракетные платформы безраздельно властвовали в океане. И хотя почти сразу после первого применения стало ясно, что держать биотехов под контролем невозможно, слишком много к тому времени уже было выброшено в океан искусственных икринок и личинок. Биотехнологическое оружие превратилось в стихию, но стихию ра-

зумную, от чего еще более страшную.

Каждый человек был для глубинных тварей просто целью, они догоняли его и взрывались, или поджидали его в засаде и взрывались, или целились в него, стреляли и убивали. Их было много разных видов – генетически сконструированных убийц. Многие люди тоже пытались их убивать, но человек куда более универсален, а потому функция убийства не главная для него в силу того, что не единственная. А у мин и торпед, кроме нее, ничего не было, потому они так легко справлялись с самым искушенным боевым пловцом.

Только мой отец догадался не штурмовать биотехов в лоб. Он начал их изучать. Я видел, как он подолгу сидел на скале с биноклем, отслеживая перемещения стаи легких скоростных торпед и записывая результаты наблюдений в тетрадку. А когда возникла необходимость, он очистил от песка старый катер, взял рыболовные снасти и вышел в океан. Один и без оружия, потому что не было на острове такого оружия, которое могло бы противостоять чудовищам глубины. Точнее, у него было свое оружие, с которым никто еще ни разу не выходил против биотехов, – тетрадка и часы. И это оружие оказалось эффективнее ракетных ружей, винтовок, легких ручных торпед и глубинных бомб. По крайней мере отец вернулся живым и с грузом рыбы. Он не стал драться с торпедами, как делали другие. Он их попросту обманул. Он изучил их повадки, отследил манеру выходить на цель, разобрался в системе их сигналов.

И теперь, когда от записей в его тетрадке зависела жизнь всех островитян, самое время было применить эти знания в полной мере. Только сначала взрослым надо было найти подходящий корабль. Порт, некогда процветавший, после нападений биотехов превратился в кладбище затопленных кораблей. Никому и в голову не приходило, что когда-нибудь снова придется выходить в океан, но вот пришлось, и никто к этому не был готов.

Бушевала гроза. Дядя Эд лучше всех разбирался в корабельных турбинах, и ему с четырьмя сыновьями через несколько часов после начала извержения удалось найти судно с более или менее исправной ходовой машиной. Однако в правом борту корабля зияла приличная пробоина, часть отсеков затопило, вследствие чего образовался серьезный крен на правый бок. С одной стороны хорошо – судно частично оставалось на плаву, а пробоина поднялась выше уровня океана, не позволяя больше воде попадать внутрь. Но с другой стороны – от накренившегося, отяжелевшего корабля трудно было ожидать хорошего хода и маневренности. Кроме того, сказал дядя Эд, стоит выйти из-под защиты портовых волнорезов, как начнется серьезная качка, и в любой момент неустойчивость судна способна сыграть с людьми смертельную шутку – оно может поменять крен с левого борта на правый, в пробоину хлынет вода, и корабль неминуемо пойдет на дно.

Поэтому островным советом было принято опасное, но

единственно возможное решение – эвакуировать население на корабль, а уже после этого продолжить ремонтные работы и попытаться откачать из отсеков воду насосами. Тогда, даже если извержение усилится и остров начнет погружаться, корабль останется на плаву. Держать же людей на берегу становилось все более опасным – землю трясло так, что начали обрушиваться здания. Я видел, как рядом с нашей школой землю прорезала огромная трещина. Она ползла как змея, подрагивая в отсветах молний, пожирая все на своем пути: трансформаторную подстанцию, водонапорную башню, тракторное депо... Это было так страшно, что я все же не выдержал и заревел, выпустив на волю чувства, которые сдерживал до этого момента.

А потом встал вопрос, как нас переправлять на корабль.

Он стоял недалеко от разрушенного взрывом пирса, но все же посуху до него было не добраться, а в лодку четыреста человек не посадишь. Мой отец предложил проложить мост с берега на борт, а дядя Эд должен был заняться переправой на плоту и лодках тех, кто мог сразу начать ремонт корабля. В первую очередь, это понимали все, необходимо было заварить пробоину и начать по возможности откачивать воду.

В команду по возведению моста взяли всех, включая детей, способных носить инструменты и гвозди. Этот кошмар я не мог потом забыть много лет. Даже когда подробности событий стерлись из памяти, я все равно вспоминал, как тащил деревянный ящик с железными скобами, ревя от страха

и надрываясь от тяжести. С неба хлынул горячий дождь, трясущаяся земля исходила паром, солнце скрылось в клубах дыма, и наступила ночь, ежесекундно рассекаемая сполохами чудовищных молний. А я тащил и тащил ящик, понимая, что мне доверили нечто очень важное, от чего напрямую зависит жизнь множества людей.

Отец не просто командовал группой плотников, но и сам всю орудовал водородной пилой, стараясь закончить работу как можно скорее. Ему было не до меня, поэтому ящик пришлось подтащить к самым его ногам, прежде чем он обратил на меня внимание.

– Молодец, Андрей! – похвалил он меня. – Там еще скобы остались?

– Да, – кивнул я, не в силах успокоить дыхание после затраченных усилий.

– Неси. Надо спешить, чувствуешь, как земля трясется?

Конечно, я чувствовал! И мне пришлось снова бежать на склад, к тете Анне, чтобы взять новый ящик со скобами. Взрослые не могли тратить на это время, они занимались своей работой, куда более сложной и ответственной, чем у нас, у детей. Они пилили и сбивали доски, по которым на корабль пойдут люди.

Однако, добравшись до места, я с ужасом обнаружил, что скобы мне уже никак не взять – склада не было. На его месте зияла огромная трещина, как рана от удара ножом. И тут я услышал крик, точнее визг, доносившийся откуда-то из за-

тянутой дымом темноты. Сначала я подумал, что кричит тетя Анна и что трещина не глубокая, но стоило мне осторожно над ней наклониться, как в лицо пахнуло обжигающим воздухом, и у меня ресницы свернулись от жара. И я понял, что, откуда бы ни доносился визг, из трещины он точно доноситься не может. Там, внизу, не могло остаться никого живого.

Прислушавшись сквозь грохот грома и извержения, я понял, что визг, почти непрерывный, раздается слева, там трещина была значительно уже, чем в том месте, где недавно располагался склад. Я бросился туда, спотыкаясь и падая, хотя прекрасно понимал, что вряд ли смогу кому-то помочь. Потому что маленький, потому что не хватит сил. Но и не бежать я не мог. Надо мной сверкали молнии, но я уже не боялся их, надо мной грохотал гром и взлетали в небо раскаленные камни, но и они больше не пугали меня. Я вдруг понял, что если бы люди не спасали друг друга, рискуя собой, от человечества уже давно бы ничего не осталось. Меня пугала смерть, но если кто-то так визжит, надрывая голос, то смерть подкралась к нему гораздо ближе, чем ко мне.

Внезапно земля так вздрогнула, что я не удержался и покатился кубарем по раскисшей от ливня грязи. Несколько узких трещин пробежали вокруг меня, исторгая клубы горячего пара, и мне пришлось через них перепрыгивать. Визг приближался, и в конце концов сквозь пелену дыма я разглядел перевалившийся через трещину ствол пальмы, на ко-

тором чудом удерживалась девчонка в розовом платье. Я с трудом ее узнал, поскольку она училась не в нашей школе, а в той, что располагалась почти в центре острова. И уж понятное дело, я не имел понятия, как ее зовут. Но какая разница? Она то и дело скрывалась в клубах пара, а я уже знал, каким жаром пышет из этой трещины. Меня снова охватил ужас, но не за себя, а за нее.

Первой мыслью было бежать за помощью к взрослым. Но это далеко. А что я сам мог сделать? Залезть на бревно и попытаться вытащить оттуда девчонку? А почему она сама не слезала? Я не знал, что ей мешало, не знал, что могло помешать мне, но не мог просто стоять и смотреть, как она визжит, закрыв глаза от ужаса. Наверное, именно этот ужас и эти зажмуренные глаза не давали ей слезть самостоятельно.

– Эй! – крикнул я.

Она никак не отреагировала. Меня отделяла от незнакомки пара десятков шагов, но мне трудно было решиться пройти по поваленному стволу пальмы над трещиной. Это казалось страшным, даже если бы оттуда не шпарило жаром, потому что я не мог похвастаться отменным чувством равновесия. Но и не прийти на помощь я тоже не мог.

– Эй! – снова закричал я, стараясь перекрыть грохот стихии.

На этот раз девчонка отреагировала. Она распахнула глаза и медленно повернула ко мне лицо. На нем читались страх и отчаяние, и я ощутил, как мы с ней сразу стали взрослее.

Одновременно. Когда наши взгляды встретились, я понял, что уже не смогу отступить, не смогу даже подумать о том, чтобы бросить ее и помчаться за помощью. Может быть, это был неоправданный риск, но с другой стороны – это была моя собственная ответственность. Если бы я помчался за помощью, а девчонка в это время сорвалась бы вниз, я не смог бы простить себе этого. Лучше бы мы сорвались вместе, это было бы, на мой взгляд, намного честнее. А еще больше мне хотелось и ее спасти, и самому уцелеть. Но это было куда больше во власти случайности, чем в моей собственной.

Мне пришлось лезть на бревно. Несколько неуверенных шагов, жар в лицо, но я решил не обращать на него внимания. Расставив руки, как канатоходец, я шаг за шагом приближался к замершей в ужасе девчонке. Но увидев, почему она не может слезть самостоятельно, я так удивился, что на миг потерял равновесие и чуть не свалился вниз. Она держалась за ствол одной рукой и боялась пошевелиться, а другой держаться не могла потому, что сжимала в ней коробку с гвоздями.

– Брось ее! – заорал я в сердцах.

Но девчонка только помотала головой. Жестко так, очень уверенно помотала. И я понял, что не от ужаса она скрючилась, а от напряжения, чтобы удержаться самой и удержать то, что по ее мнению, являлось ее вкладом в спасение островитян. Сделав еще пару шагов, я оказался рядом, но вместо того, чтобы протянуть мне руку, девочка протянула коробку.

– Ты дура! – выкрикнул я.

Я уже собирался выхватить у нее гвозди и швырнуть вниз, но снова наткнулся на ее взгляд. И такая в нем читалась воля, что я не посмел ослушаться. Пришлось отнести сначала коробку. А возвращаться уже не потребовалось – освободившись от драгоценного груза, незнакомка легко пробежала по стволу и прыгнула на край трещины.

– Спасибо, – сказала она. – Они меня перевешивали.

– Кто? – недовольно спросил я.

– Гвозди. Надо бежать, а то сейчас все рухнет, и мост не успеют построить!

– Дались тебе эти гвозди! – с криком я выпустил наружу накопившееся напряжение. – Дура!

– Сам дурак! Может, это последние гвозди на острове! Видел, от склада ничего не осталось?

Мне нечего было на это ответить. Я хмуро сплюнул себе под ноги, закинул на плечо коробку и широким шагом направился к пирсу. Небо совсем потемнело, ни один луч солнца не пробивался через густую пелену дыма. Дышать становилось все трудней и трудней – в воздухе, кроме дыма, начали клубиться желтоватые пары какой-то удушливой гадости.

– А что с тетей Анной? – спросил я, закашлявшись.

– Она умерла, – просто ответила девочка. – Я видела, как все рухнуло в трещину, едва я вышла со склада.

– Тебе повезло.

– Не знаю. – Она пожала плечами без особых эмоций.

Мне еще не приходилось говорить с таким странным ребенком. На вид она была моей сверстницей, то есть ей было лет двенадцать-тринадцать, но никто из моих знакомых не способен был так просто говорить о смерти. Смерть каждый день была слишком близко, чтобы не думать о ней вообще, но поскольку люди не рисковали выходить в океан, она редко кого настигала, отчего каждый случай гибели кого-то из островитян нес на себе печать глубокой трагичности. А в словах девчонки была не трагичность, а лишь сдержанная грусть, вот что меня удивило.

Мы спустились с пригорка и увидели в клубах дыма взрослых, суетившихся у недостроенного моста. Не хватало всего одного пролета, и мой отец с двумя помощниками пытался веревками связать оставшиеся бревна. Но растущие волны снова и снова разбивали непрочную конструкцию. Это было невероятно, невысказанно, но им действительно не хватило всего пары десятков гвоздей, чтобы закончить работу.

– Где скобы?! – крикнул отец.

– Склад провалился под землю! – ответил я. – Есть только гвозди! Зато целая коробка. Это она...

Я обернулся, чтобы показать храбрую незнакомку, сохранившую гвозди с риском для жизни, но девчонки рядом уже не было. Пришлось бежать к своим, чтобы не создавать лишнюю сумятицу у моста. Но я был полон решимости найти ее, когда мы погрузимся на корабль. Или даже раньше. Она не могла никуда деться, остров должны покинуть все.

Если бы не гроза, если бы не шторм, нам было бы намного легче покинуть остров. Никто бы и не подумал выходить в океан, потому что материковые спасатели на транспортных гравилетах вывезли бы все население острова в течение суток. Но в такой шторм могут стартовать только стратосферные баллистические лайнеры, а баллистического порта у нас не было. Вот и получилось, что обстоятельства не оставили нам выбора – хоть и нельзя было выходить в океан, а пришлось.

Когда мост был готов, остров уже трясло так, что бревна и доски, по которым мы поднимались на борт, ходили ходуном. Шторм тоже разъярялся все больше, от него уже не спасали просевшие от землетрясения волнорезы. Гулкие взрывы в жерле вулкана становились чаще и громче, а потом вдруг стало гораздо светлее, потому что в небо ударил фонтан раскаленной добела лавы.

Турбоход, на который мы погрузились, назывался «Принцесса Регина», а название порта приписки мне ни о чем не говорило, поэтому я его не запомнил. Для меня география планеты Земля имела не прикладное значение, как для моих предков, а чисто познавательное. Остров был для меня целым миром – за тринадцать лет я ни разу его не покидал. Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы на остров приземлился транспортный гравилет, а никакого сообщения, кроме воздушного, с Большой землей не было. За тринадцать лет жизни я увидел гравилет только один раз,

когда дядя Гоша заболел психической болезнью, выскочил на порог дома с ракетным ружьем и открыл пальбу по поселку. Мужчины его быстро скрутили, но потом все равно прилетел представитель полиции, увез дядю Гошу в наручниках, и больше мы его никогда не видели.

Крен палуб был очень сильным, таким сильным, что трудно было ходить. Поэтому никто и не старался ходить – дядя Эд собирал людей группами, объяснял им, где лучше расположиться из соображений остойчивости, и все послушно рассаживались в указанных местах. Но мама наотрез отказалась расставаться с отцом, а ему необходимо было занять место в рубке, потому что никто лучше него не знал, как остаться живым в океане. Понятно, что в рубку взяли и меня – ну какая мама в такой обстановке оставит ребенка? Поэтому, как ни хотелось мне найти в толпе спасенную мной девочку, но пока эту мысль следовало из головы выкинуть. Точнее, положить на дальнюю полочку сознания.

Чтобы вывести судно из опасной прибрежной зоны, где нас могло накрыть извержением, задушить газами или утянуть на дно, когда суша начнет погружаться, дядя Эд сразу дал машинам малый вперед. При этом из-за крена ему постоянно приходилось подправлять курс штурвалом. Я смотрел на его действия, как замороженный – никому из моих ровесников на острове еще не доводилось выходить в океан, а уж в ходовой рубке турбохода и подавно.

В дымной полутьме, озаряемой вспышками молний и от-

светами вулкана, мы медленно двигались вдоль берега в сторону волнорезов, чтобы выйти из бухты, которая в любой момент могла стать западней. Навигацию в этой акватории нельзя было назвать простой – дяде Эду то и дело приходилось вращать штурвал, чтобы огибать возникающие из тьмы остовы притопленных кораблей, а отец не сводил взгляд с экрана сонара, чтобы обнаруживать еще и те препятствия, которые полностью скрывались в глубине. Но через какое-то время он его выключил, чем вызвал удивление дяди Эда.

– На траверзе девятого пирса спит мина, – сообщил ему отец. – Когда-то весила килограммов двести, но с тех пор она могла вырасти. Я ее давно приметил, но подрывать уже было поздно, ангары тракторного депо снесло бы.

– Сейчас от них и так ничего не осталось, – не отрываясь от штурвала, ответил дядя Эд.

– Да. Но сейчас взорвать нам ее нечем. Если пальнуть из ракетного ружья, то детонацией мины самих накроет, а ничего более дальнобойного у нас нет. С сонаром дальше двигаться смерти подобно. Эти твари реагируют на ультразвук наших приборов, я проверил это полгода назад.

– Понятно. Что предлагаешь?

– Сбрось ход. Я знаю только один способ ее обезвредить. Но придется пожертвовать одним спасательным ботом.

– Можно подробнее? Судно в таком состоянии, что каждое спасательное средство для нас дороже золота.

– Нет. Это в тебе говорит опыт бывшего моряка, но он уже

не имеет значения.

– Никакой я не бывший! – вспыхнул дядя Эд.

– Успокойся... – Мой отец пристально посмотрел ему в глаза. – Ты можешь гордиться своим бурным прошлым сколько угодно, но сейчас океан уже не тот, к которому ты привык. В нем появились другие опасности. Какой смысл в спасательных средствах? Ты же знаешь, если высадиться на них в океане, нас меньше чем через час атакует стая торпед. Поэтому ни один бот на борту не представляет ценности как средство спасения, зато он представляет большую ценность как оружие.

– Ты хочешь направить лодку на мину?

– Да. С включенным сонаром. На таком расстоянии четверть тонны животной взрывчатки не причинят нам вреда, зато взрыв расчистит проход, уничтожив других малоподвижных биотехов. Тогда опасность будут представлять только торпеды.

– Только... – снова вздохнул дядя Эд. – На мой взгляд, нет ничего страшнее стаи скоростных торпед.

– Да, – кивнул отец. – Но сейчас именно мина не выпускает нас на открытую воду, значит, начать надо с нее. Придется готовить спасательный бот.

Дядя Эд полностью остановил винты, но турбины продолжали гудеть, чтобы в любой момент можно было тронуть корабль с места. В рубку грохот извержения проникал с трудом, а вот машинерию судна было слышно хорошо, и

рука ощущала вибрацию механизмов, если приложить ладонь к бежевому пластику переборки. Через несколько минут сыновья дяди Эда, орудуя бортовыми лебедками, спустили на воду самый прохуdivшийся спасательный бот. Отец взял пульт дистанционного управления и дал шлюпке средний ход. Шторм крепчал, ботик среди волн выглядел жалко, но я уже знал, что это не просто дырявая лодка, а мощное оружие против страшной твари, затаившейся в глубине.

– Во время шторма любая мина сматывает якорный жгут и погружается метров на десять в глубину, – объяснил отец. – Поэтому сейчас она подпустит ботик ближе, чем в спокойную погоду, и взорвется только потом.

– Выдержали бы у нас швы на днище... – хмуро произнес дядя Эд. – А то и без всяких взрывов корабль трещит.

– До мины больше двух миль. Все будет нормально.

По лицу дяди Эда я видел, что сам он далек от подобного оптимизма. И честно говоря, я испугался, потому что в вопросах морского дела у него было больше опыта, чем у отца. Так многие говорили. Отец же мог просто не вполне верно оценить ситуацию именно с точки зрения технических возможностей судна.

– Швы выдержат, – еще более уверенно заявил отец. – Главное, чтобы крен от удара не изменился.

Дядя Эд кивнул.

– Постой у штурвала, – попросил он отца. – Просто держи нос по ветру.

Сам он связался с трюмом и начал выяснять, в каком состоянии пробоина. Наконец он вернулся на место рулевого и сообщил:

– Мои ребята уже поставили заплату. Поставили пока кое-как, на живую нитку, но продолжают варить. С волнами вода уже не захлестывает, но если судно поменяет крен, то под усилившимся давлением заплата долго не выдержит.

За бортом раздался грохот, пробившийся через звукоизоляцию ходовой рубки. Фонтан раскаленной лавы вырвался из жерла вулкана на головокружительную высоту, корабль вздрогнул, как испуганный зверь, и тут же я с ужасом увидел, что вершина вулкана треснула гигантским огненным швом, а затем северный склон горы рухнул вниз, на поселок. Следом за чудовищным оползнем хлынул поток жидкого пламени, и тот мир, в котором я прожил всю свою жизнь, начал рушиться, размазываться и стираться, как изображение на неисправном голографическом мониторе. Новая ударная волна туго ударила в стекла, корабль снова шатнуло, на этот раз гораздо сильнее. Вода вокруг вздыбилась высокими стоячими волнами, словно неведомый исполин пнул в дно огромного тазика, а мы качались в этом тазике, как позабытые кем-то игрушки.

– Надо срочно выходить из бухты! – крикнул дядя Эд. Отец глянул на сонар.

– Ботик скоро войдет в опасную зону, – ответил он. – Но раньше, чем мина взорвется, мы не можем тронуться с места.

– Будь она проклята, эта мина! – Дядя Эд так стиснул ру-
коятки штурвала, что у него побелели пальцы.

Лицо мамы, сидевшей в уголке и старавшейся не мешать,
тоже побелело. Почти так же сильно, как пальцы нашего бы-
валого моряка. Но она продолжала молчать, хотя на глазах
ее поблескивали слезы.

Остров затрясло сильнее прежнего, нас снова качнуло.

– Ботик входит в опасную зону, – сообщил отец, глядя на
показания сонара.

– Почему же эта тварь не взрывается? – зло спросил дядя
Эд.

– Может, она выросла настолько, что ботик стал для нее
слишком мелкой целью? – неуверенно прошептал отец. –
Нет, не может быть. До полутонны собственного веса мины
реагируют на любую плавучую цель.

И в этот момент по глазам шарахнуло яркой, как плазмен-
ная сварка, вспышкой.

– Есть! – не удержавшись, выкрикнул я.

– Спаси нас бог! – отчетливо произнесла мама.

Но богу было, видимо, все равно. Ударная волна с такой
силой обрушилась на рубку, что прозрачные акриловые щи-
ты окон разлетелись алмазными брызгами, которые ударили
нас по лицам. Я закричал и грохнулся на колени, что-то по-
сыпалось, загрохотало, и я ощутил, как судно начало менять
крен. Раздался неприятно хриплый зуммер сигнала тревоги.

– В машинном отделении лопнул сварной шов! – услышал

я из селектора связи.

Переборки корабля стонали и выли, пораженные чудовищным компрессионным ударом, на палубу рухнул один из бортовых погрузочных кранов.

– Что с пробойной?! – взревел дядя Эд, обращаясь по селектору к трюмной команде.

А я стоял на коленях и боялся открыть глаза, потому что чувствовал, как по лицу бежит кровь от осколочных повреждений. Я боялся, что мне выбило глаза. Я боялся навсегда остаться в ужасающем черном мире этого дня. А потом страшная чернота все же набросилась на меня и проглотила без остатка.

Глава 2

Наследство

Я очнулся от влажного ветра и шипения плазменной сварки. Яркое пламя пробивалось сквозь веки красным маревом, в воздухе витал запах соленой пены и раскаленного металла. Распахнув глаза, я увидел нескольких мужчин, которые приваривали стальной лист на место выбитого акрила. Большинство проемов уже было закрыто подобным образом, только напротив штурвала в броню врезали несколько квадратных иллюминаторов для обзора. Надо мной склонились чернокожий доктор с инъектором и мама с салфеткой. Салфетка вся в была крови, а в окошке инъектора колыхалась желтая жидкость. Доктора все звали Ваксой, даже взрослые. Он так привык к этому прозвищу, что не только не обижался, но и относился к нему с юмором.

– Ну что, мистер Вершинский? – обратился он ко мне. – Давайте мы вам сделаем инъекцию антисептика, чтобы вторгшиеся в организм микробы не могли нанести вред вашему молодому растущему организму.

Я не любил уколов, но одно дело, когда тебе делают прививку от вируса, а совсем другое – когда лечат от осколочно-го ранения после взрыва мины. Так что инъекцию я перенес стоически. К тому же я был рад, что мама не пострадала – она сидела в момент взрыва, поэтому все осколки прошли

над ее головой. Мне, в силу невысокого роста, тоже досталось не очень. А вот ни отца, ни дяди Эда в рубке видно не было, что сильно меня насторожило. У штурвала стоял один из сыновей нашего капитана.

– А где отец? – спросил я.

– Он в медицинском отсеке, – со вздохом ответил Вакса, заклеивая мне порезы коллоидным клеем. – Левый глаз у него пострадал. Сильно.

После всех событий страшного черного дня меня трудно было чем-нибудь напугать. Скорее всего доктор это понимал, поэтому и не стал выдумывать.

– Он хоть одним глазом будет видеть? – осторожно спросил я.

– Конечно, – улыбнулся Вакса. – И раненым будет видеть. Только надо его немножечко подлечить, когда доберемся до материка. Вы, мистер Вершинский, шли бы отца проведать. Мне все равно в медицинский отсек, я провожу вас с мамой.

За то время, пока я был без сознания, крен корабля сделался вроде бы меньше, по крайней мере мне так показалось, когда мы спускались с мостика по трапам. Но я решил, что о состоянии судна лучше было бы справиться у отца или дяди Эда, чем у доктора или мамы.

Медицинский отсек на «Принцессе» оказался гораздо больше, чем я мог предположить. Года два назад мы с пацанами и девчонками частенько лазили по затопленным громадам, тогда еще не таким ржавым, как теперь, но до судов

класса «Принцессы» мы добраться не могли – все крупнотоннажные великаны стояли не у пирсов, а на рейде. Взрослые за такие забавы нас беспощадно гоняли, потому что торпеды и мины, охотившиеся в бухте, могли услышать детские голоса, подойти вплотную к борту и взорваться. Мы это знали, поэтому в подобных вылазках общались жестами, которые сами придумали. Ладонь пальцами вверх означала, что надо подниматься по трапу, большой палец, опущенный вниз, означал необходимость спуска, а тот же палец, поднятый вверх, говорил окружающим, что все нормально и можно двигаться дальше. Поначалу этих простых знаков хватало, а впечатлениями можно было делиться и после вылазки, но со временем и по необходимости мы придумывали все новые и новые жесты, а под конец узкоглазый Пак придумал жесты для всех слогов, и мы могли, хоть и медленно, построить из них любое предложение. Потом мы приноровились настолько, что в трюмах полузатопленных кораблей рассказывали анекдоты про Хрюнделя и Сумасшедшего Червяка. Правда, под конец анекдота приходилось зажимать рот и нос руками, чтобы какая-нибудь кормящаяся рядом торпеда не услышала наше хихиканье, но такая игра с опасностью придавала особую соль нашим однообразным детским развлечениям. Честно говоря, я всегда считал, что отцовский ремень представляет куда большую опасность, чем твари, приплывавшие в бухту из океана. Но однажды этой иллюзии пришел конец – небольшая торпеда убила двоих мальчишек и дев-

чонку, забравшихся на прибрежный понтон. Одним из мальчишек оказался бесстрашный узкоглазый Пак, которого мы все знали и очень любили. Так страшно закончились наши игры в разведчиков, и больше никто из нас никогда по кораблям не лазил.

Мне приходилось видеть несколько медицинских отсеков на других полузатопленных кораблях, и мы даже выламывали из щупалец операционных роботов великолепные лезвия для ножигов, но такого большого госпиталя, как на «Принцессе», я и представить не мог. Около пятидесяти коек с амортизаторами и гироскопами были пусты, и лишь на пяти отдыхали пациенты Ваксы. Несмотря на медицинское назначение помещения, здесь царило такое же запустение, как и в других отсеках – белье на кроватях сгнило, на стенах виднелись коричневые потеки ржавчины, под кроватями воняло протекшей амортизаторной жидкостью. Но несколько коек доктор привел в порядок, на них и лежали пострадавшие при взрыве мины.

Я узнал отца сразу, несмотря на забинтованное лицо, а на соседней койке посапывал пустой курительной трубкой дядя Эд. Он бросил курить, когда узнал, что вирус опустошительной материковой эпидемии гораздо чаще убивает курящих, чем всех остальных, но с трубкой так и не расстался, посапывая ее, когда одолевала депрессия.

– Андрей? – услышал отец наши с мамой шаги.

– Да, пап.

– Как ты?

Он не мог меня видеть – бинты закрывали глаза.

– Нормально. Вакса заклеил мне несколько царапин. А с мамой вообще все хорошо.

– Да, я знаю, – ответил отец.

Конечно, и о моем, и о мамином состоянии он знал еще до того, как прибежал доктор, но зачем-то он хотел узнать об этом и от меня. Ну и пусть, мне не жалко.

– Что с кораблем? – спросил я.

– Заплата на борту выдержала, – ответил дядя Эд, вынув изо рта трубку. – Лопнул один шов на днище, но мои ребята не сплеховали, не испугались, а бросились его заваривать, ныряя под воду по очереди. Правда, теперь у меня не четыре сына, а два.

Он сказал последнюю фразу с таким ледяным спокойствием, что я понял, каково ему на самом деле. Он и трубкой сопел из-за того, что едва сдерживал бушующее внутри отчаяние. Я пригляделся и увидел, как ввалились его глаза, обрамленные темными кругами.

– А что с вами?

– Со мной?.. Да какая теперь разница? – Он отвернулся и замолчал.

Мне стало так неловко, что хотелось провалиться сквозь палубу. Но самым страшным показалось мне то, что дядя Эд, по всей видимости, в смерти сыновей винил моего отца. Ведь если бы отец был осторожнее с разминированием, если

бы не понадеялся на приличное расстояние до мины... Да, все могло бы быть чуть иначе, факт. И, похоже, отец с себя этой вины не снимал.

– Вакса! – позвал он.

– Да, мистер Вершинский! – отозвался доктор уже без шутиливой интонации, с которой обращался ко мне.

– Помогите мне встать. Я хочу поговорить с Андреем наедине.

– Вам бы следовало лежать.

– Вакса!

Доктор вздохнул, но подчинился. Мы Ваксой взяли отца под руки, но он не дал нам поднять себя, а встал сам, опираясь на наши плечи. Ноги его сильно дрожали.

– Дальше я сам, – заявил он тоном, не терпящим возражений. – Пусть я ничего и не вижу, но ноги работают. Вакса, можно мы пройдем в изолятор?

– Да, конечно. Но я помогу.

– Нет!

Я повел отца между кроватями туда, где виднелась раздвижная дверь изолятора с красными полосами на стекле. Странно, но с каждым шагом он опирался на мое плечо все сильнее, словно силы оставляли его. Сервомотор двери вышел из строя, поэтому мне пришлось открывать ее руками, поднатужившись изо всех сил. Наконец я с ней справился и провел отца внутрь. Он был бледный, как смерть.

– Садись, тут кресло, – сказал я.

– Да. Не отходи от меня. Я должен сказать тебе нечто важное. Важное не только для тебя, но и для всех людей.

– Для всех, кто на корабле?

– Сейчас да. Но может настать такой день, когда ты сможешь помочь всем людям на свете. Ты ведь знаешь о моей тетрадке?

– Конечно.

– Она не одна. За три последних года я сделал множество записей. Не только на пластике, но и на кристаллах. Там запечатлены голоса перекрикивающихся торпед, когда они преследуют цель, и когда ищут пищу, и когда просто лежат на поверхности океана. Помнишь, море выбросило дохлую мину на берег? Я ее препарировал и сделал зарисовки внутренностей.

– Думаешь, это пригодится тем, кто живет за пределами нашего острова? Люди на материке наверняка знают все это лучше нас. На биотехнологических заводах остались чертежи всех этих тварей.

– Не все так просто. Я узнавал. Почти сразу, как только плохая управляемость биотехов стала очевидной, технологию производства искусственных организмов запретили по всему миру. Может быть, чертежи сгоряча даже уничтожили, все равно от них не было никакого проку. Они не помогали справиться с биотехами. Возможно, конечно, что их оставили, но засекретили строжайшим образом, чтобы никому в голову не пришло повторить самую страшную ошибку чело-

вечества. Но, как бы там ни было, тебе их вряд ли удастся добыть в ближайшее время.

– Мне?! – удивился я.

– Да. Конечно, тебе будут помогать и другие люди, но тетрадки и кристаллы я никому, кроме тебя, не оставляю.

– Почему?

– Потому что все, что я записал, с точки зрения закона – преступно. Фактически я изучал устройство биотехов, что запрещено напрямую.

– Дурацкий закон! – вспыхнул я.

– Не совсем, – вздохнул отец. – Попади эти записи в недобрые руки, и неизвестно, к чему это могло бы привести. Я, например, знаю, каким звуком можно приманить целую стаю торпед. Этого уже достаточно, чтобы упечь меня на всю жизнь в тюрьму, а записи уничтожить – все, до последнего листа. Но тебе, ребенку, проще будет сохранить их, когда мы выберемся на материк.

– Но зачем? Зачем, если даже заводские чертежи не помогли бороться с биотехами?

– А никто и не пробовал, – отец откинулся в кресле и поправил бинт на лице. – Пробовали от них защититься, но их слишком много. Пробовали их штурмовать, но их опять-таки слишком много. Они слишком умны, они с легкостью уходят от бомбардировок с воздуха, их не засекают обычные средства обнаружения, потому что не могут отличить от крупных рыб. Сражаться с биотехами – это все равно, что

сражаться с самим океаном. Человечеству это пока не по силам.

– Но ты же смог... – неуверенно произнес я.

– Вот именно. Потому что я только часть человечества. И у меня была очень маленькая цель. Я не пытался уничтожать этих тварей, мне достаточно было на время их обмануть. Но главное даже не это... Понимаешь, Андрей, у меня не было выбора. Мне надо было доставить рыбу на остров. Пусть даже ценой жизни. Просто доставить рыбу на остров. Я знал, что когда-нибудь мои наблюдения понадобятся именно для этого, потому и записывал все. А человечество имеет возможность отсидеться на материках, преодолевая океаны по воздуху, на баллистических лайнерах. Людям хотелось бы расчистить океаны, но они могут, по большому счету, не делать этого. Человечество не в состоянии победить то зло, которое оно создало. А вот человек может. Человечество слишком большое, поэтому в среднем у него выбор есть всегда. А вот с одним человеком может случиться такое, что выбора у него не будет. Вот представь, если бы вдруг перестали работать баллистические порты, а мы с мамой оказались на другом материке. Что бы нам оставалось делать? Вот и сейчас мы были вынуждены покинуть остров, потому что нас мало, и все мы попали в критическую ситуацию. И нам придется сражаться с этими тварями. Победить или погибнуть. Человечество в целом избавлено от этого. Оно может, в крайнем случае, назначить солдат, которые за деньги по-

пробуют уничтожать биотехов. Но эта затея, я уверен, обречена на провал. Потому что сделать это могут только люди, у которых действительно нет выбора. Не те, которые могут погибнуть, если займутся этим, а те, которые умрут, если не вяжутся в эту борьбу. Я хочу, чтобы ты собрал таких людей, когда вырастешь.

– Но ведь у меня будет выбор... – попытался возразить я. – Будет выбор не делать этого.

– Да, конечно, – с грустью ответил отец. – В этом самое слабое место моей затеи. И все же я оставлю записи именно тебе. Ослепнув, я все равно не могу их никак использовать.

– Вакса сказал, что ты не ослепнешь.

– Вакса хороший парень, хоть и черный, как сажа. Но душа у него белая, как пух – это точно. Андрей, у меня осколками полностью выбило оба глаза. Их у меня вообще нет, понимаешь? И новые не вырастут.

Я не выдержал и разревелся, как девчонка.

– Утром за нами прилетят гравилеты, – сказал отец, словно не слышал моих рыданий. – Если доживем до этого, если нас не потопят торпеды или донные установки, то тебе надо будет как-то переправить тетради на материк. Придумай. Это должна быть очень детская придумка, тогда взрослые не догадаются ни о чем. И не реви!

Я мигом заткнулся, словно вода попала мне в носоглотку.

– Хорошо, пап, я подумаю. Только мне надо найти одного человека.

– Кого?

– Девчонку. Знаешь, это ведь не я принес гвозди, когда вы достраивали мост. Это она. Она провалилась в трещину и висела на поваленной пальме, но коробку с гвоздями не выбросила. Хотя без нее могла запросто слезть сама. Я ей помог перебраться на край трещины, но потом она куда-то пропала. Она должна быть на корабле, сюда ведь все погрузились.

– Интересно... Но вообще я бы не хотел, чтобы ты кому-нибудь доверял эту тайну.

– Ей можно, – заявил я. – Пап, я знаю, о чем говорю. Если ты доверился мне, то надо довериться и ей.

– В твоём возрасте я не думал так о девчонках.

– Ты и сейчас... – начал я, но осекся. Не стоило этого говорить.

– Продолжай, – спокойно сказал отец.

– Ты никогда не считал маму равной себе. Разве не так?

– До войны именно я сдираю до мяса кожу на ладонях о рыболовные снасти. Не она.

– Но она вырастила того, кого ты сейчас просишь о помощи!

– Я ей благодарен за это, – холодно ответил отец.

– Да, я знаю, – вздохнул я. – Извини.

Но на самом деле извиняться мне не хотелось. Я вдруг понял, что если и возьмусь за дело, которое мне поручил отец, то не ради него, а ради того, чтобы матери не теряли своих детей в океане. Только ради этого. Нет, я любил отца, хотя

бывало, мне доставалось от него очень крепко. Я знал, что он самый смелый на свете, что равняться стоит именно на него. И это именно он придумал, как обмануть биотехов. И он привез рыбу, когда нечего было есть. Но все же я знал, что меня он любит не так, как мама. У меня были на это причины.

– Я сохраню тетради, – твердо сказал я.

– Хорошо. Прекрасно, что на тебя можно положиться.

Я отвел его обратно в кровать.

– Вакса! – позвал отец доктора. – Помоги Андрею, пожалуйста. Он без тебя попросту заблудится. Ему надо найти какую-то девчонку неизвестно где. Но сначала проводи его в рубку. Пусть он там возьмет мой кейс.

Похоже, Вакса сразу догадался, что лежит в кейсе. По крайней мере вид у него сделался такой, словно ему поручили принести на землю огонь, украденный у богов.

– Пойдемте, мистер Вершинский. – Он взял меня за руку.

На этот раз тон его не был таким шутливым, как раньше.

Когда мы добрались до рубки, там уже почти полностью устранили последствия взрыва. Но все были на нервах, потому что мы достаточно отошли от эпицентра извержения, чтобы ожидать нападения торпед в любую минуту. Да и на мину в темноте можно было нарваться запросто. Все это понимали прекрасно. Взорвавшийся вулкан напугал биотехов, это понятно, но одинокий корабль в океане, да еще неисправный, был слишком легкой добычей для первой же стаи тор-

пед, которая попадется на нашем пути. К тому же всех подавила слепота моего отца. Люди надеялись на него, когда выходили в океан, а так получалось, что корабль стал не спасением, а только отсрочкой. Это многих подкосило морально, и я с удивлением заметил, что, когда мы с Ваксой оказались в рубке, меня встретили взглядами, полными робкой надежды. А что я мог, тринадцатилетний пацан?..

– Что с дядей Эдом? – спросил я у доктора. – Мне надо знать.

– У него осколочное ранение брюшной полости, очень тяжелое. Чудо, что он до сих пор в сознании. Держится только на обезболивающем. Операционный робот не работает.

– А отец?

– У него выбиты оба глаза и серьезно повреждена паховая артерия. Я не в силах остановить внутреннее кровотечение. Оба могут умереть в любую минуту. У твоего отца меньше шансов выжить, чем у Эда. Если честно.

– Понятно, – ответил я.

Я не мог представить, что отец вот так вот просто возьмет и умрет от осколка акрила, когда выжил в океане, кишасщем чудовищами. Наверное, и другие не могли представить. Но все они не спускали с меня взглядов, поэтому я не мог пустить слезу.

– У нас есть десять ракетных ружей, Андрей, – сказал дядя Макс, который скорее всего был в рубке старшим. По крайней мере он тоже когда-то был моряком и мог стоять у штур-

вала. – Их как-то можно использовать?

Я не знал. Но после разговора с отцом интуитивно чувствовал, что с биотехами нельзя сражаться в лоб. Их надо брать хитростью, изощренной человеческой хитростью, потому что во всем остальном они нас превосходили.

– Скорее всего нет, – ответил я, присаживаясь в свободное штурманское кресло. – Но в любом случае вам надо убрать людей от уцелевших иллюминаторов, чтобы не повторилась история с моим отцом. Торпеды будут взрываться в непосредственной близости от корабля, а значит, будет много осколков. Кроме того, могут начать падать мачты, краны и другие металлические конструкции. Лучше их сейчас убрать резаками, чтобы они не грохнулись на чью-нибудь голову.

– Ясно, – кивнул дядя Макс. – Володя, Дэн, берите резаки и валите все, что может рухнуть от взрывов. Живо!

Ребят не надо было уговаривать – они подхватили распылители плазмы и покинули рубку.

– Вакса, пожалуйста, перемести людей на нижних палубах подальше от иллюминаторов, – распорядился дядя Макс.

– Не могу. Старший Вершинский велел помогать его сыну, пока нет других раненых.

– Ладно. Джон, давай ты этим займись.

Дядя Джон кивнул и тоже скрылся за дверью. В рубке остались только мы с Ваксой, дядя Макс, его двадцатилетний сын Алекс и Вадим, которому было лет восемнадцать.

Я открыл кейс и увидел там пять подписанных ячеек с

кристаллами и четырнадцать пластиковых тетрадей разной толщины и расцветки. Очевидно, отец брал для записей то, что подворачивалось под руку. Это было в его духе, поэтому я не надеялся на то, что информация будет как-то систематизирована. Но, раскрыв обложку первой тетради, я ужаснулся – там были какие-то непонятные схемы, криво нарисованные отцовской рукой. Я испугался, что в этих каракулях никто, кроме отца, разобраться не в силах, а он сам ослеп, значит, тоже не сможет. Получалось, что в наследство мне досталось грома бесполезного пластика.

– Ты что-нибудь понимаешь? – заглянул через мое плечо дядя Макс.

– Да, конечно, – как можно более уверенно ответил я. – Это же почерк отца. Он все мне объяснял на таких же схемах.

Это успокоило всех, кроме меня. Никаких схем отец мне отродясь не рисовал. Самым верным средством воспитания он считал ремень и крепкое отцовское слово, а реальным воспитанием если кто и занимался, так это мама.

– А мы поглядели и ничего не поняли, – признался дядя Макс. – Хорошо, что отец тебя подготовил.

Я молча кивнул, делая вид, что разбираюсь в отцовском наследстве. Но долго тянуть время было нельзя, поскольку все ожидали моих советов, так что надо было шевелить мозгами и как-то выкручиваться, иначе начнется паника, а на корабле нет ничего страшнее паники, я слышал это не

раз, хотя никогда до этого не выходил в океан. К счастью, я вспомнил слова отца о том, что биотехи реагируют на ультразвуковые локаторы.

– Надо врубить все сонары на полную мощность, – произнес я так, словно только что вычитал это в тетрадке. – Мы тогда сможем заранее видеть мины, а они, заслышав нас, будут думать, что мы ближе, чем на самом деле, поскольку рассчитывают на среднюю мощность ультразвука.

Это была полная отсебятина, но вряд ли она могла повредить в данной ситуации.

– Умно, – улыбнулся дядя Макс.

Он переключил приборы на режим дальнего обнаружения. При этом картинка на экранах сделалась мутной – за счет увеличения дальности потерялась четкость отображения объектов. Пропали косяки рыб, а стая дельфинов в миле к югу превратилась в одно еле заметное туманное пятнышко. Понятно, что даже на среднем ходу от сонара в таком режиме нет ни малейшего проку – скалу не заметишь, не то что мину. Я уж было подумал, что погорячился, но тут случайно заметил яркие изумрудные искры, время от времени появлявшиеся на месте потускневшей стаи дельфинов. Я приподнялся в кресле, и тут до меня дошло, что эти искорки – отображения ультразвука самих дельфинов, тех пискков, при помощи которых они ориентируются под водой. А ведь все биотехи тоже попискивают на дельфиний манер, потому что у большинства мин и торпед глаза недоразвитые. Кроме то-

го, отец говорил, что торпеды, идущие стаей, перекрикиваются в глубине, подавая сигналы, необходимые для группового загона цели. Значит, на повышенной мощности сонар может обнаружить и высветить их собственный ультразвуковой свист. Это коренным образом меняло дело.

– Видите искры? – показал я пальцем на экран.

– Этот изумрудный песок? – удивился дядя Макс. – Первый раз обратил внимание.

– Просто вы никогда не врубали одновременно все сонары на полную катушку, – объяснил я. – А в таком режиме система видит ультразвуковую активность объектов. Так можно обнаружить любой биотех, ведь торпеды не ходят вслепую, да и у мин нет другого способа обнаруживать цели. Пассивные объекты так почти не видно, но они для нас сейчас не очень важны.

– Это уж точно, – напряженно усмехнулся Вадим.

– Тогда не спускайте взгляда с экрана, – сказал я. – Любой неподвижный активный объект следует считать миной, а подвижный – торпедой. Мины будем обходить, а от торпед по возможности удаляться.

– А если не будет такой возможности? – поинтересовался Алекс.

– Погоди, я об этом пока не прочел, – соврал я. – Дядя Макс, как скоро можно ждать спасателей на гравилетах?

– Не раньше, чем взойдет солнце, – ответил он. – Они обещали поспешить, но вряд ли будут особенно рисковать. Им

и так для нашего спасения придется снижаться в зону действия ударной волны биотехов, это для них уже большой подвиг. Нельзя требовать от людей больше, чем они могут.

Я вспомнил слова отца о людях, для которых нет выбора, и кивнул. Взрослые знали друг друга лучше, чем знал их я, поэтому таким утверждениям следовало верить.

– Пока не видно опасных целей, – сказал я, вставая с кресла, – мне надо найти среди пассажиров одного важного человека. Так велел отец. Да, дядя Вакса?

– Да, мистер Вершинский, – серьезно ответил доктор. – Нам надо найти девчонку и кое-что выпросить у нее. Надо спешить. Кто знает, сколько у нас времени?

– Никто, – развел руками дядя Макс. Он достал из капитанского ящика горошинку рации и сунул мне в ухо. – Будь на связи. Если что случится, дуй сюда.

– Есть, капитан! – ответил я.

Вакса взял меня за руку, я подхватил кейс, и мы с ним покинули рубку.

Глава 3

Загнанные

На поиски неуловимой девчонки мы с Ваксой потратили не менее часа. Наконец она обнаружилась в игровом зале, вместе с двумя десятками других пассажиров, укрывшихся там из-за отсутствия иллюминаторов.

– Привет! – незнакомка первой узнала меня. – Что у тебя с лицом?

– Повредило взрывом, – с гордостью ответил я. – Мы с отцом были в рубке, когда шарахнула мина.

– Ты сын Вершинского?

– Да. Андрей.

– А я Оля.

– Очень приятно. Вообще-то я именно тебя искал.

– Вот как? – усмехнулась она.

– Да. Где твои родители?

Я задал этот вопрос, чтобы знать, с кем договариваться и на каких условиях можно забрать Олю в рубку. Ну не мог же я знать, что для этой бесстрашной девчонки вопрос окажется таким острым! А он оказался острым, как лезвие операционного робота.

– Дурак! – выдохнула она после короткой паузы. И отвернулась, заплакав.

Я понял, что она сирота, но было поздно. Я уже резанул

ей по душе, и теперь, сколько ни пытайся заклеить рану, она все равно будет заживать какое-то время. Хотя мог бы догадаться, честное слово. По тому, как она сообщила о гибели тети Анны. Только человек, в детстве переживший смерть родителей, может с таким ледяным спокойствием говорить о смерти других людей. Ну, если не мог догадаться, то должен был хотя бы заподозрить.

– Извини... – Я осторожно шагнул к ней.

– Отвали.

– Оль, я не знал, честно. Мне нужно было с кем-то договориться, чтобы тебя отпустили в рубку.

– Зачем? – покосилась она на меня.

– Мне нужна твоя помощь. Одному мне не справиться. Но я не могу здесь говорить, давай выйдем.

Она недобро сощурилась, но все же направилась вслед за мной. Мы выбрались из игрового зала в небольшую комнату, бывшую когда-то курительной. Вакса остался у дверей, чтобы нам никто не мешал. К детям многие относятся пренебрежительно даже в экстренной обстановке, но у доктора было достаточно авторитета, чтобы убедить любого в важности нашей с Олей беседы.

– Мой отец скоро умрет, – коротко сообщил я, стараясь, чтобы не дрогнул голос. – Его сильно ранило взрывом.

– Извини, что я тебя дураком обозвала, – негромко сказала она. – Твой отец всех нас спас.

– Да. Но теперь он ничего не может, ему выбило оба гла-

за. И он передал мне тетрадки с записями о биотехах. Вот, смотри. – Я открыл кейс. – Можешь полистать, если хочешь.

– Трудно будет в этом разобраться, – вздохнула она, открыв первую попавшуюся тетрадь.

– Да, у меня с ходу не получилось. Только никто об этом не знает. И лучше, если не узнает, а то начнется паника. В рубке уверены, что я получил от отца все секреты в наследство. Но это не так.

– Значит, мы умрем, – грустно вздохнула Оля.

– Нет. Я случайно заметил, что на самой высокой мощности сонары обнаруживают ультразвук биотехов на очень большом расстоянии. Это поможет дяде Максиму какое-то время уходить хотя бы от неподвижных мин.

– А что делать с торпедами?

– Пока не знаю. Но дело не только в этом. Надо как-то провезти тетрадки на материк, когда нас будут снимать с борта гравилетами. Любое изучение биотехов, оказывается, нарушает закон, значит, все эти записи запрещены. У нас их отнимут, если найдут.

– Ну, провезти их несложно. – Оля наморщила лоб в задумчивости. – Надо зарисовать все листы пастельными мелками.

– Много времени уйдет.

– Это если бы ты один рисовал. Но я тебе помогу, получится по семь тетрадок на каждого. Не так много. А мелков для грифельных досок в игровом зале тьма-тьмушая. Тогда

можно будет уже в гравилете раздать по тетрадке всем детям, которые там будут. А когда сядем, можно разыграть сцену – мол, на прощание все друзья дарят тебе свои рисунки. Взрослые не воспринимают детей всерьез, они ничего даже не заподозрят. Потом отмоешь мел с пластика, и все дела.

– Я знал, что ты придумаешь что-нибудь толковое, – улыбнулся я.

– Почему?

– Не знаю. Там, на бревне, я понял, что ты взрослее меня, хотя лет нам, похоже, одинаково.

– Редкому мальчишке приходят подобные мысли в голову. – Она прищурилась, но уже не сердито. – Ладно. Раз ты в тетрадках все равно разобраться не можешь, можно сразу начать их разрисовывать.

– Не все. Надо оставить штуки три, а то дядя Макс поймет, что я ему лапши на уши навешал.

– Конечно. Тогда возьми мелки и сам разрисуй листы, когда надо будет.

– Лучше нам вместе быть в рубке, Оль. А то, когда прилетят гравилеты, можем потеряться.

– Думаешь, меня пустят в рубку?

– Еще бы! – усмехнулся я. – Со мной теперь кого угодно и куда угодно пустят. Все думают, что я могу спасти корабль.

– Мне кажется, что они в этом не ошибаются, – спокойно ответила Оля.

– С чего ты взяла? Я и сам не уверен.

– А я уверена. Мальчишка, который не побежал за взрослыми, а сам полез спасать незнакомую девчонку, способен спасти не только корабль.

– Но я не могу ничего понять в этих записях!

– Это не имеет значения. Ты же обнаружил новое свойство сонара. Может быть, у тебя интуиция, может, ты бессознательно складываешь в голове обрывки фраз, сказанные в разное время отцом. Он ведь не мог не говорить о том, чем занимался.

– Говорил иногда...

– Вот видишь. Пойдем в рубку.

– Ладно, – неуверенно произнес я. – Вакса, отведи нас обратно.

Когда мы, прихватив цветные мелки, втроем появились в ходовой рубке, оказалось, что благодаря моей наблюдательности дядя Макс ушел уже от двух мощных мин.

– Отличный способ, – оценил он. – Молодец твой отец. Получается отвернуть раньше, чем мина взрывается.

Я усадил Олю в штурманское кресло, а сам перебрался поближе к штурвалу, чтобы привлечь к себе все внимание, а от нее, напротив, отвлечь. Делая вид, что делаю пометки в тетрадках, я начал густо замазывать отцовские записи. Но не успел я разделаться и с десятком листов, как появилась первая стая торпед.

– Андрей! – встревоженно позвал меня дядя Макс. – Тут очень подозрительная цель на сонаре. Не похоже на стаю

дельфинов. И идет прямо на нас, почти встречным курсом.

Я вскочил с кресла и уперся взглядом в экран. Сильно растянутое светло-зеленое пятно, похожее на стекающую по стеклу каплю, стремительно приближалось к нам. Фронт капли переливался изумрудными искрами ультразвука.

– Какая у них скорость, можно определить? – спросил я.

У меня не было никакого опыта работы с сонаром, поэтому максимум, на что я был способен, – это отличать объекты от фона, но ни скорость, ни расстояние рассчитать не мог.

– Встречный курс. Скорость почти тридцать узлов, – ответил дядя Макс.

– А мы сколько можем выдать?

– В таком состоянии судна максимум пятнадцать узлов. И то опасно, может посрывать заплаты с пробоин. Из трюма постоянно откачивают воду и усиливают сварные швы, поэтому ход становится с каждым часом лучше, но больше двадцати узлов мы все равно не выжмем, потому что половина турбин не работает.

– Тогда отворачивайте, – сказал я.

– Это бессмысленно, – угрюмо произнес дядя Макс. – С таким преимуществом в ходе они нас и с кормы догонят в два счета.

– Все равно нельзя идти прямо на них! – Я сжал кулаки, чтобы голос мой звучал тверже. – Лево руля!

И дядя Макс послушался. Он раскрутил штурвал так, что судно накренилось, меняя курс на девяносто градусов. Еще

не утихший шторм ударил в борта волнами, от чего корабль затрясся крупной дрожью, словно его килем спустили по гигантскому трапу.

– У нас назначена точка встречи с гравилетами? – спросил я.

– В точности нет. Мы выставили на мостик маяк, по которому гравилетки возьмут пеленг.

– Отлично! Тогда надо подставить торпедам корму!

– Зачем? – поразился Алекс.

– Затем! – Я вспомнил, что отец говорил о спасательных ботах. – Готовьте к спуску еще одну шлюпку. Но спускать только по моей команде!

Я боялся, что перегнул со словом «команда», ведь за штурвалом был не просто взрослый, а моряк, выходивший в океан до войны. Но дядя Макс и бровью не повел.

– Внимание палубной команде! – сказал он в селектор. – Приготовить спасательный бот к спуску кормовым краном!

В этот момент я придумал название для маневра, который нам предстояло совершить: «выставить ложную цель». Наверняка это придумывали и до меня, но мне неоткуда было почерпнуть подобную информацию, поэтому приходилось руководствоваться только обрывками фраз отца.

Я снова сел в кресло, трясясь от напряжения и неожиданно свалившейся на меня ответственности. Мутная зеленая капля, стекавшая по экрану, приближалась к янтарной искорке корабля, но теперь она догоняла нас куда медленнее,

поскольку от ее скорости отнималась наша.

– Мина прямо по курсу. – Дядя Макс ткнул пальцем в экран. – Это та, которую мы обогнули двадцать минут назад.

– Придется снова обходить, – вздохнул я. – Выхода нет.

Это было плохо – любое изменение курса позволит торпедам снова зайти не с кормы, а чуть сбоку, что помешает выставить ложную цель.

– Если после обхода будем двигаться тем же курсом, там будет еще одна мина, – сообщил дядя Макс. – Я думал, что нам удалось их обойти, а тут снова...

– Торпеды страшнее, – вспомнил я слова дяди Эда.

– С этим трудно спорить.

Пока мы принимали решение, Оля бесстрастно рисовала мелкими в тетрадах, словно все происходящее никак ее не касалось, словно ее жизнь не зависела от наших действий. Мне показалось, что она совсем, ну ничутьюшки не боится смерти. Она была далека от того, чтобы намеренно искать ее, но и приход смерти не вызывал у нее ужаса. Наверное, смерть родителей она пережила как свою собственную, а разве может бояться смерти человек, который уже один раз умер? Честно говоря, я ей даже позавидовал. Я чувствовал, какую невероятную силу может дать человеку отсутствие страха смерти, но сам боялся. И хуже того, я знал, что даже после смерти отца буду бояться, потому что не мог пережить его смерть как свою. Вот если бы мама... Но такое я бы вряд ли вообще смог пережить.

– Вы зря удираете от торпед, подставив корму, – негромко сказала Оля, не отрываясь от рисунка. – Глупо возвращаться в то же место, откуда мы начали, заново преодолевая те же опасности, которые уже удалось миновать. Надо потихоньку отклоняться, но так, чтобы не давать торпедам зайти сбоку, иначе вы не сможете спустить ботик с кормы. Лучше всего описывать круг большого радиуса. Вот такой. – Она встала с кресла и описала пальцем круг на экране сонара. – Тогда мы сможем обогнуть обе мины. Главное, не менять курс под очень большими углами.

– Верно, – кивнул я.

Моего слова оказалось достаточно, чтобы дядя Макс заложил штурвал чуть вправо. Оставалась лишь одна проблема – начини мы маневр чуть раньше, все было бы замечательно, но теперь, при таком небольшом угле отклонения, мы рисковали подойти к мине слишком близко. Почуввав нас, она могла рвануть, а кто знает, какой вес тварь успела накопить, питаясь планктоном в теплых поверхностных водах? Каждый килограмм жира, накопленного биотехом и смешанного с азотной кислотой из особых желез, превращается в чудовищную взрывчатку, почти в нитроглицерин. А тут речь могла идти не о килограммах – о тоннах. Отец как-то рассказывал, что близкий взрыв многотонной мины может попросту сплющить корабль в металлический блин, и он пойдет ко дну, как брошенная в воду монетка.

Торпеды представляли особую опасность в силу манев-

ренности, но вес у них был не большим, опасным лишь при очень сильном сближении. Я сам много раз видел в бинокль с вершины вулкана, как стая легких скоростных торпед резвилась у входа в пирсовую зону порта. Иногда они так заводилились, отрабатывая маневры нападения друг на друга, что налетали на пирсы и взрывались, вздымая в небо фонтаны воды и раскрошенного бетона.

В общем, мы оказались в идиотской ситуации. Сзади нас подпирала стая торпед, имея преимущество в скорости, а прямо по курсу поджидала мина. И мы не могли отвернуть очень сильно, потому что в борт нас можно было атаковать без всяких проблем – спущенный на воду ботик очень скоро останется позади, и торпеды зайдут на атакующий курс без всяких помех. Если противник заходит с кормы, то и ложную цель можно пускать только с кормы, потому что тогда шлюпка надолго застрянет между нами и стаей, сбивая торпеды с толку.

На самом деле и мина, и стая торпед представляли смертельную опасность. Можно ли определить, какая из двух смертельных опасностей страшнее? Для меня это было чересчур, но все же именно мне предстояло выбрать – отвернуть от мины более резко и подставить торпедам бок или же рискнуть, пройти на авось предложенным Олей курсом.

Я вдруг понял, что биотехи нас попросту загнали, как охотники в старых фильмах загоняли зверей. Торпеды не просто так увязались за нами, а согласовали свои действия

с миной, перекрикиваясь с ней ультразвуковыми сигналами. И теперь нас толкали на нее, как в ловушку.

– Что будем делать? – напряженно спросил дядя Макс.

Я раскрыл новую, еще не изрисованную тетрадку, сделал вид, что внимательно изучаю записи, и сказал:

– Лучше идти на мину.

– Взорвется, – покачал головой дядя Макс.

– Чем раньше, тем лучше, – кивнул я. – Чем дальше мы от нее будем в момент взрыва, тем меньше нам достанется. По крайней мере, это хоть какой-то шанс. Если же отвернем сильнее, торпеды догонят нас, зайдут с борта и уничтожат.

Несколько секунд дядя Макс молчал. Затем повернулся к селектору и произнес:

– Внимание всем! Особенно палубной команде. У нас прямо по курсу мина, и вероятность ее взрыва очень велика. Всем укрыться в помещениях корабля! Не следует подниматься на открытые палубы, а также находиться вблизи иллюминаторов. Детей и женщин незамедлительно переправить в средние отсеки, подальше от бортов. Трюмной команде приготовить сварочное оборудование и металл для заделки лопнувших швов. Пассажирам и людям, свободным от вахты, принять сидячее или лежащее положение, а также проследить, чтобы рядом не находилось предметов и деталей, которые могут сорваться и упасть под воздействием ударной волны.

Со скоростью пятнадцать узлов мы приближались к под-

жидающей нас mine. Пока расстояние до нее было еще велико, но с каждой минутой сокращалось все больше, снижая наши шансы на благополучный исход. Я надеялся только на то, что сонары, включенные на полную мощность, дезориентируют мину, заставят ее думать, что мы ближе, чем на самом деле. Минута шла за минутой, и вскоре я понял, что мы вошли в зону уверенного поражения.

– Нам конец, – подтвердил мою догадку дядя Макс. – Жаль. До рассвета осталось полчаса, не больше.

– Спускайте бот! – сказал я.

– Ты с ума сошел! – вспылil Алекс. – Если мина взорвется, людей снесет с палубы ударной волной.

– Выполняйте!!! – завизжал я совершенно по-детски, но так громко, что у самого заложило уши.

– Внимание палубной команде! – хрипло произнес дядя Макс. – Спустить бот с кормового крана!

Через минуту начальник палубной команды доложил:

– Бот на воде!

– Всем в трюм! – скомандовал дядя Макс. Затем обернулся ко мне: – Что дальше?

– Сбавляйте ход, – севшим голосом произнес я. – Только резко. Пусть мина почувствует, что мы ее заметили и собираемся сдать назад.

Дядя Макс звякнул телеграфом, и турбины мягко перешли на холостые обороты. «Принцесса» начала замедлять движение, раскачиваясь на штормовых волнах. Между тем

рубиновая бусинка ботика на экране сонара все сильнее удалялась от кормы — он на своих маломощных моторах шел строго противоположным курсом. И тут темноту впереди нас разорвало ослепительной вспышкой, наверное, вдвое более мощной, чем от взрыва, ранившего нас в рубке. Правда, и расстояние до мины было значительно больше, чем в прошлый раз. Но можно ли по вспышке определить реальную силу взрыва?

— На пол! — скомандовал дядя Макс, а затем добавил в селектор: — Внимание всем! Вспышка прямо!

Он едва успел броситься на пол рядом с нами, когда ударная волна настигла корабль. Шарахнув в носовую часть, она свернула все лебедки на баке, все краны, кронштейны и фермы, со страшным скрежетом протащила их по палубе, а затем швырнула в ходовую рубку. Стальные листы, которые приваривали с такой тщательностью, сорвало в один миг, и они, как крышки консервных банок, выгнулись над нами зубчатыми краями. Некоторые из них не смогли удержаться на остатках швов и рухнули внутрь, круша приборы и грозя разрубить нас на части. Закричал дядя Макс, но я его не видел и не понял, отчего он кричит. Нас с Ольгой разделило скрученным листом металла, ударившим между нами, как язык чудовищной бронированной жабы. А по сторонам продолжали падать пятидесятикилограммовые лебедки, свистеть обрывки тросов и визжать куски сорванных труб и прутьев.

Корабль вздыбило, накренило, развернуло бортом к

фронту ударной волны и положило на бок. Все антенны, мачты, локаторы и фонари снесло. Лопнувшие провода, очевидно, замкнуло накоротко, и я увидел, как из электрощитка в рубке вырвался сначала сноп искр, а затем жаркое гудящее пламя. Дым от него был таким едким, что я закашлялся и потерял дыхание.

И вдруг все стихло. Только ухали еще несколько секунд падавшие на палубу железяки да трещало пламя в щитке. Я попытался подняться, чтобы глотнуть свежего воздуха, но обнаружил, что стою на карачках в луже крови. Кровь хлестала у меня из плеча, разорванного оскалившимся металлом, хлестала так сильно, что я испугался и закричал.

– Ты что орешь, как девчонка? – услышал я рядом Олин голос. – Давай я тебе руку перетяну, а то вся кровь выльется с таким напором.

Она оттащила меня к пробоине, где штормовой ветер сдувал едкий дым, ловко оторвала от платья полосу ткани, несколько раз обернула ею мое раненое плечо, а затем накрепко затянула. Было очень больно, плечо заныло и начало неприятно пульсировать, но кровь перестала хлестать.

Позади раздался кашель, мы с Олей поползли в темноту, озаряемую сполохами огня, и увидели Ваксу. Он лежал на спине и кашлял.

– Что с тобой? – спросила Оля.

– По голове чем-то шарахнуло, – едва слышно ответил доктор. – Кажется, сильно. Голова кругом идет, не могу под-

няться.

Я осмотрел его голову, но никаких опасных, на мой взгляд, повреждений не обнаружил. На лбу, правда, выступила здоровенная шишка, но не та была ситуация, чтобы обращать на нее внимание. Мы с Олей поднатужились и поволокли Ваксу к пробойне, чтобы дать ему продышаться. Похоже, сам он не мог ни ходить, ни ползать. Крепко его долбануло.

Но не успели мы дотащить доктора до пробойны, как обнаружили, что ползем в огромной луже масла. Я решил, что это прорвало трубу охладителя или амортизатор кресла, но когда из щитка вырвался большой язык пламени и высветил пространство рубки, я увидел, что это не масло, а кровь. Я никогда не думал, что в людях может быть столько крови – наверное, ведро пролилось, не меньше. Мы с Олей не выдержали и завизжали от испуга, визгом пугая друг друга еще сильнее. Мы поняли, что кто-то тут умер – или дядя Макс, или Алекс, или Вадим. А может даже, все вместе.

С одной стороны, я понимал, что кому-то еще может понадобиться помощь, но с другой – меня парализовал ужас увидеть настоящего мертвеца. Я не мог себя заставить сдвинуться с места. Так мы сидели на корточках и визжали, наверное, секунд десять, пока Оля первой не пришла в себя.

– Тихо! Все! – Она дала мне две звучные пощечины. – Тихо, Андрей!

Это меня отрезвило немного, я захлебнулся и умолк, не

в силах сдержать катящиеся по щекам слезы. Плечо пульсировало болью.

– Полежи, Вакса, мы сейчас! – сказала Оля и первая ринулась в темноту.

Я хоть и боялся жутко, но не мог себе позволить выглядеть более трусливым, чем она. Пришлось лезть следом за ней через искореженные листы металла, всхлипывая от страха и боли.

Дядю Макса мы нашли возле штурвала. Точнее, за штурвалом, потому что острым стальным листом ему пробило ладонь и пригвоздило руку к деревянному колесу. Он так и висел на этой руке, потому что сорванной броней штурвал заклинило, и он не мог повернуться. При этом дядя Макс страшно дергался всем телом, словно по нему непрерывно пропускали электрический ток. Я не сразу понял, от боли он так дергается или его действительно лупит током из оборванного провода, но приглядевшись, понял, что у него нет правой половины головы. Совсем нет – я даже увидел под расколотым черепом кровавое месиво мозга. Дядя Макс был мертв, но тело его колотили предсмертные судороги. Это было настолько кошмарно, что я почти потерял сознание – мой разум отказывался воспринимать происходящее. Я бы, наверное, вырубился, если бы не Оля – она рванула меня за руку и уволокла от чудовищного зрелища за следующий сорванный лист.

Но там было еще хуже – сначала я увидел лицо Вадима, а

потом понял, что тело его лежит в стороне, а смотрит на меня только отрезанная голова, застрявшая на зазубринах брони в полутора метрах над полом. Алекса и вовсе разрубило пополам, но он, кажется, умер не сразу, а ползал какое-то время, цепляясь за пол руками, потому что его кишки размотало почти по всей рубке.

– Надо выбираться отсюда, – твердо заявила Оля. – И вытаскивать Ваксу. А то сгорим или задохнемся от дыма. Тут помогать уже некому.

Она схватила меня за руку и потянула туда, где мы оставили доктора. Он лежал на спине и ждал нас, глядя в потолок. Белки его глаз ярко выделялись на черном лице. Я обнял Ваксу за шею и хотел поднять, но он оказался дико тяжелым и даже не попытался сам приподняться. А потом я понял, что он не дышит. Вообще.

Оля не выдержала и заревела. А я уже не мог. Я просто молча сидел и глядел, как она рыдает на груди нашего замечательного, самого доброго в мире доктора. Я мог представить, что умрет кто угодно, даже отец, даже мама, хоть это и было тяжело. Но как мог умереть доктор, который всегда спасал от смерти других людей? Как он мог умереть от дурацкой шишки на лбу? Это было невысказано и страшно.

– Я их убью, – негромко произнес я.

– Кого? – всхлипнув, спросила Оля.

– Всех этих тварей. Я найду способ. Я соберу людей, о которых говорил отец. Я прочту его каракули, в конце концов.

Я смогу. Надо их все уничтожить. Все до единой. По крайней мере, надо придумать, как.

— Они нас сами убьют, — Оля помотала головой. — Они нас убьют, это точно.

— Может быть. Но рано или поздно найдутся люди, которые изведут весь их проклятый род. Надо собрать все разбросанные тетради. Давай, пока торпеды не напали на нас.

Мы вместе принялись собирать валявшиеся в крови тетради. Затем я собрался с духом и направился туда, где висел на штурвале дядя Макс, потому что мне надо было узнать, работает ли селектор. Дядя Макс затих и уже не дергался, но все равно смотреть на него было страшно. Зато селектор ожил, едва я нажал флюоресцирующую клавишу на панели.

— Внимание всем! — произнес я как можно более твердым голосом. — В ходовой рубке не осталось ни одного взрослого. Все погибли. Внимание палубной команде! Заклинило штурвал. Нужен плазменный резак, чтобы освободить колесо. Внимание трюмной команде! Сообщите о повреждениях внутри корабля.

— Повреждения сильные, — раздался незнакомый голос из репродуктора. — В трех местах разошлись швы, насосы не успевают откачивать воду.

— Сколько мы продержимся на плаву?

— Часа четыре.

Я глянул через пробоину и увидел, что небо на востоке значительно посветлело. Приближался рассвет, а значит,

могла успеть помощь на гравилетах.

– Нужен рабочий сонар, – сказал я. – Если нет запасного, снимите с аварийного бота.

– Кто это говорит? – спросил другой голос.

– Андрей Вершинский, – уверенно ответил я. – Через пять минут мне нужны на корме десять стрелков с ракетными ружьями. И там же необходимо установить экран сонара.

– Что ты собираешься делать? – спросила Оля.

– Мы будем убивать торпеды, – заявил я.

Глава 4

Торпедная атака

Было еще темно, когда Николай из второго поселка, с которым мы раньше не были знакомы, установил на корме сонар. Николай был вдвое старше меня, но мне бы в голову не пришло прибавлять к его имени слово «дядя» именно теперь, когда весь экипаж и все пассажиры были готовы беспрекословно выполнять мои команды. Честно говоря, меня это не особенно впечатляло. Просто обстоятельства так сложились, только и всего. Более того, если бы не Оля, я бы вообще с самого начала сдрейфил, как говорили на острове бывшие моряки. Сплоховал бы, впал в истерику, и сейчас командовал бы кто-нибудь из взрослых, все было бы нормально и естественно. Но я не сплоховал и не сдрейфил, потому что рядом была она, потому что она сама ничего не боялась, и мне стыдно было чего-то бояться. Всего неделю назад я вздрагивал от ударов грома, закутавшись в одеяло, а теперь не дрожал, прекрасно зная, что с кормы на нас заходит целая стая одичавших торпед. Даже раненое плечо, которое распухло и болело все больше, было не столько источником страданий, сколько поводом для тихой гордости.

Вообще-то торпеды не догоняли нас слишком долго. Уже семь минут прошло с момента взрыва мины, превратившего палубу в непролазный стальной бурелом, а торпед все не

было, и они почему-то не подрывали оставленный нами спасательный бот. Но, независимо от причин происходящего, нам необходимо было двигаться, поэтому первой командой, которую я передал в рубку, была команда «Самый полный вперед!».

Многие электрические устройства на корабле вышли из строя из-за обрыва проводов, от короткого замыкания и от небольших локальных пожаров, поэтому Николай придумал передавать команды рулевому по живой цепочке – десять человек на расстоянии слышимости создали единственно возможный в наших условиях информационный канал. Из-за частичного отсутствия электричества поначалу возникли проблемы с установкой сонара, но Николай использовал индикатор и аккумуляторы от спасательного бота, соединив их с трактом стандартного корабельного локатора. Он оказался отличным электронщиком, наш Николай, без него все было бы значительно хуже.

Когда он включил экран сонара, я не стал дожидаться, когда устройство будет настроено и откалибровано, а сразу дал вторую команду:

- Спасательный бот на воду!
- Еще один? – удивилась Оля.
- Да! – решительно кивнул я. – До рассвета совсем немного времени, нам надо продержаться, а значит, придется как можно дольше пудрить торпедам мозги.

Несмотря на то что у нас осталось еще тринадцать ше-

стиместных шлюпок, спустить одну из них на воду в нынешней обстановке было очень непросто – кормовой кран снесло ударной волной, а рухнувшие металлические фермы мешали нормально перемещаться по палубе. Нам же надо было не просто перемещаться, нам надо было снять ботики с магнитных замков, протащить через четверть палубы и только потом каким-то образом спустить с кормы на воду. Ладно бы работала магнитная подвеска, на которой вдвоем можно без труда транспортировать груз весом в тонну, но из-за почти полного отсутствия электричества магнитный монорельс превратился в обычную стальную балку, вроде тех, по которым ходили древние поезда. Сами ботики были серьезно заблокированы в гнездах рухнувшими палубными конструкциями, поэтому нечего было и думать достать хоть один без плазменных резачков.

Хорошо еще шторм начал утихать, а то бы нам вообще пришлось несладко. Однако иногда особо крепкие порывы ветра все же подкидывали водяные брызги до уровня палубы и швыряли их в нас, отчего одежда промокла до нитки. Сварщики принялись за работу, а Николай настроил сонар, обеспечив экипажу хоть какую-то ориентацию в пространстве. Я прильнул к экрану, дрожа от холода, но то, что я на нем увидел, заставило меня позабыть о мокрой одежде и ветре. Сонар не был включен на полную мощность, а потому выдавал очень четкое изображение. На нем, вокруг янтарного огонька оставленного за бортом бота, кружили зеленые

точки торпед. Я насчитал пять биотехов-убийц.

– Мне нужно посоветоваться с отцом, – честно заявил я. – Я не могу за несколько минут просмотреть все тетради. И мне непонятно, почему торпеды застряли вокруг ботика, не взрывают его и не нападают на нас.

Николай вздрогнул и опустил взгляд.

– Боюсь, это невозможно, – сказал он сквозь зубы.

– Встретиться с отцом?

– Да.

– Почему?!

– Это случилось еще до взрыва мины... – с трудом ответил Николай. – Почти сразу, как тебя вызвали в рубку.

– Он умер? – спросил я, чувствуя, как волна ледяных мурашек прокатилась по плечам и спине.

– Да. Извини.

– А где мама?

– С ней все в порядке, – напряженно произнес Николай. – Ну, почти. У нее нервный срыв. Медсестра Ваксы дала ей успокоительное. Сильное. В общем, она спит.

Я не выдержал и разрыдался, усевшись возле экрана на корточки. Слезы падали на палубу и смешивались с океанской водой, принесенной волнами и ветром. Вдруг кто-то осторожно провел ладонью по моим вымокшим волосам. Маленькая была ладошка, я сразу понял, что Олина.

– Сейчас не время, – негромко сказала она. – Если выберемся, потом вместе поплачем. Теперь у нас с тобой будет

для этого одинаковый повод.

Я посмотрел на нее. В свете начинающегося восхода лицо ее выглядело мягким, прикрытым синеватыми тенями, но какая твердость читалась в глазах!

– Андрей! – позвал меня Николай. – Торпеды проигнорировали ботик и снова идут на нас.

– Они не взорвали его? – Я испуганно вскочил на ноги.

– Нет.

– Почему?! – спросил я, прекрасно понимая, что никто не сможет ответить на этот вопрос. Только отцовские тетрадки, да и то лишь с некоторой долей вероятности и если получится в них разобраться.

– Мне кажется... – осторожно предположила Оля. – Они не взорвали шлюпку, потому что в ней нет людей.

– Но как они могут знать?

– Только по звуку голосов и дыхания, – пожала плечами Оля. – Хотя с помощью ультразвука наверняка можно прозондировать внутренность ботика сквозь стенки. У меня должен был родиться братик, я тебе не говорила. Так вот Вакса показывал мне его на экране прямо сквозь мамин живот. Это было ультразвуковое зондирование. Вдруг торпеды тоже так могут?

Боюсь, что об этом ничего не знал даже мой отец, хотя у него информации о торпедах было больше, чем у кого-то другого на острове, но сейчас не время было для таких заявлений. Я судорожно соображал, как можно выкрутиться из

неожиданной и неприятной ситуации. Даже на полном ходу корабля торпеды уверенно догоняли «Принцессу», и, если мы не сможем выставить несколько ложных целей, пять торпед потопят нас без особого напряжения сил.

– Насколько далеко бьют ракетные ружья?

– На три четверти мили, – ответил Николай.

– А до торпед?

– Чуть больше мили. Но расстояние уменьшается.

– Тогда стрелков на корму!

– Стрелков на корму! – повторила мою команду женщина, стоявшая первой в цепочке.

И дальше команда понеслась, как по проводу:

– Стрелков на корму!

Я схватился за штангу, на которой удалось смонтировать экран сонара, и закрыл глаза. Мне нужно было взять себя в руки, но нервы расшатались настолько, что внутри меня царила всего одна эмоция – полная растерянность. Только потому, что я был сыном своего отца, все на корабле ждали от меня какого-то чуда, какого-то рецепта спасения. А у меня его не было, и скорее всего его не содержалось даже в отцовских тетрадах. Наблюдения – это одно, а делать из них нужные выводы – совершенно другое. Выводы необходимо делать не только исходя из наблюдений, но и, что не менее важно, исходя из особенностей ситуации. А кто, кроме нас, оказывался в подобной ситуации? Может, кто и оказывался, сразу после войны, да только их скелеты лежат на дне, в про-

дырявленных торпедами кораблях, и никто из них не поделится с нами своими предсмертными наблюдениями. В данную минуту с нами никто ничем не мог поделиться. Зато восток совсем посветлел, порозовел, и это давало единственную надежду на то, что мы как-то выкрутимся из ситуации. Между несущихся по небу туч иногда мелькали тускнеющие на глазах звезды.

Стрелки с ракетными ружьями выбрались из люков на палубу, но разместиться им было особенно негде – всюду нагромождения искореженного металла. Пришлось двоих поставить на том же пяточке, на котором мы с Николаем и Олей ютились возле экрана сонара. Остальным пришлось карабкаться на обломки мачт и как-то там закрепляться. Но мне нужны были все, точнее, мне нужна была как можно большая плотность огня.

– Ракет хватит? – спросил я у незнакомого мужчины, которого стрелки выбрали старшим.

Из всех десятерых я знал только одного – тракториста Сэма, который жил на нашей улице. Он ободряюще помахал мне, взбираясь на заваленную хламом кормовую надстройку. Я ответил взмахом руки. Пока стрелки занимали позиции, Оля в очередной раз поразила меня хладнокровием – обернувшись, я заметил, что она невозмутимо продолжает зарисовывать тетрадные листы мелками, справившись уже с львиной долей работы. Причем со своей частью тетрадей она уже разобралась и теперь зарисовывала то, что не успел я.

Заметив, что стрелки более или менее укрепились, я выкрикнул, перекрывая свист ветра и шум ходовых турбин:

– Торпеды догоняют нас со стороны кормы! Сейчас до них около мили, но расстояние постоянно сокращается. Просто стреляйте в их сторону, возможно, удастся спугнуть их или заставить отстать!

Сэм показал мне «о'кей», а командир просто кивнул и первым снарядил ствол своего ружья.

– Огонь! – скомандовал он, когда все были готовы.

Залп получился не особенно дружным, но мне того и не требовалось. Через секунду за кормой один за другим взмыли в небо десять фонтанов воды от разорвавшихся ракет.

– Недолет! – Николай ткнул пальцем в экран.

Я заметил, что сонар без труда фиксирует места попадания, скорее всего отслеживая момент ударной компрессии воды. Это давало возможность корректировки огня, а значит, повышало наши шансы на выживание.

– Дистанция недолета? – уточнил командир.

– Полтора кабельтова! – прикинул по координатной сетке Николай.

– Надо подпустить их поближе, – один из стрелков покачал головой.

Я не ответил, потому что наблюдал реакцию торпед на стрельбу. Она была важнее точного попадания с первого же залпа. Мне важно было понять, что творится в искусственном мозгу тварей, от этого зависело почти все. Как и пред-

полагалось, торпеды отклонились от курса – три в одну сторону, две в другую.

– Они расходятся на два клина! – предупредил я.

На востоке показался краешек солнца, и сразу стало быстро светать. Тучи над головой окрасились оранжевым.

– Рассредоточить огонь! – выкрикнул командир.

Торпеды не отставали, напротив, они увеличили скорость, пытаясь взять корабль в клещи. Интересно, какова их предельная скорость и как долго они могут держаться ее? Это было не просто интересно, а жизненно важно, но ответов у меня не было.

– Есть связь с землей! – донеслось по цепочке из рубки.

– Оля! – я обернулся к девчонке. – Беги в рубку! Надо узнать подробности, когда нам ждать гравилеты. Да брось ты тетрадки, ничего с ними не станет!

– Я почти все зарисовала.

– Отлично. Закрой кейс и беги.

Она сложила тетради и защелкнула замки.

– Я мигом! – ободряюще улыбнулась она.

Я заметил, как ее платье, лоскут от которого перетягивал мое раненое плечо, мелькнуло между искореженными стальными фермами и скрылось за кормовой надстройкой. Очень недоброе предчувствие возникло у меня в этот момент, настолько недоброе, что я готов был броситься за Олей и вернуть ее. Но я этого не сделал – все мы на корабле в равной степени рисковали жизнями.

– Одна торпеда оторвалась от стаи! – предупредил меня Николай.

Я увидел ее – зеленая точка, в стремительном рывке догоняющая янтарную каплю «Принцессы».

– Весь огонь чуть левее! – успел командовать я.

И тут же торпеда шарахнула в кабельтове от нас. Через миг тугая ударная волна сшибла с ног и меня, и Николая, и командира стрелков. Нас окатило водой, но никто, как мне показалось, особо не пострадал. Только вскочив на ноги, я понял, что серьезно ошибся – один из стрелков сорвался с кормовой надстройки и рухнул на торчащие железки поваленной фермы. Они пронзили его насквозь, как три огромных кинжала, и у меня на глазах он продолжал медленно соскальзывать по этим остриям вниз, пока не уперся во что-то. Его ружье выпало из рук и звонко ударилось о палубу.

– Огонь! – выкрикнул командир, вытирая со лба кровь из приличной ссадины.

Ракеты с шипением и воем вырвались из стволов, оставляя в светлеющем воздухе тугие дымные трассы, пролетели около пяти кабельтовых и гулко грохнули, вздымая в небо белую пену. Девять разрывов, и тут же, совершенно неожиданно, десятый, гораздо более мощный.

– Есть! – радостно выкрикнул Николай. – Торпеда сдетонировала!

Взрыв произошел так далеко, что нас лишь обдало ударной волной. Это было большой победой. Теперь нас пресле-

довали только три торпеды – тоже много, но у нас появилась надежда. Если честно, ни на чём, кроме одного точного попадания не основанная, но верить очень хотелось, и все мы верили в лучшее.

Неожиданный для торпед результат нашего залпа заставил их снова сбиться в кучу и отстать. На сонаре было видно, как они перекрикиваются под водой, пытаюсь согласовать свои действия. Три смертельно опасных врага.

Через обломок поваленной мачты к нам перелез бригадир сварщиков.

– Мы освободили спасательный бот. Можно спускать на воду с правого борта. Нет смысла тащить его на корму.

– Да, смысла нет, – кивнул я.

– Спускать?

– Подождите.

Я не был готов к ответу. Первый спущенный нами бот торпеды проигнорировали. Где гарантия, что они клюнут на следующую ловушку? Такой гарантии не было, но я хотел ее иметь. Я вспомнил, что говорила Оля о том, каким образом торпеды могут определить наличие людей на борту спасательных средств. Конечно, у них в мозгах должна быть защита подобная функция, иначе им бы пришлось кидаться на каждое плавающее в океане бревно. Понятно, что мина в порту взорвалась, когда к ней приблизился ботик, потому что любой движущийся объект для нее или цель, или угроза. А вот торпеда от угрозы способна увернуться, поэтому ее

интересуют только цели. Точнее, она должна уметь отличать угрозы от цели.

– Освобождайте еще один бот, он скоро понадобится, – сказал я бригадиру сварщиков.

– А этот спускать?

– Нет, подождите, нам надо его приготовить.

– Что ты придумал? – спросил Николай.

– Надо заминировать бот. Если торпеды отличают, есть в шлюпке люди или нет, значит, этот бот они тоже исследуют, проигнорируют и пройдут мимо. Нам бы подорвать его поближе к тварям, может, еще одна сдетонирует. Или даже все, если будут идти близко друг к другу.

– Хорошая мысль, – кивнул Николай. – Только у нас нет взрывчатки.

– Вообще? – Я сжал губы.

Николай покачал головой и покосился на экран сонара. В свете взошедшего солнца я увидел, как побледнело его лицо.

– Что там? – спросил я, ощущая, как холодеют внутренности от страха.

– Еще две стаи, – ответил он.

Я бросился к экрану и увидел то, о чем он говорил: две стаи по семь торпед шли почти встречным курсом на нас. Одна чуть с правого борта, под углом порядка десяти градусов, и другая под таким же углом с левого. Похоже, у них была налажена система дальней сигнализации, и когда стая поредела, три оставшиеся торпеды запросили подмогу.

– Ботик на воду! – скомандовал я, озаренный догадкой.

Подобные догадки случаются, наверное, только на пределе возможностей, в таких ситуациях, в какую попали мы. Я внезапно понял, чем можно заминировать шлюпку. Точнее, сообразил, как можно подорвать торпеды без минирования. О двух стаях, заходящих спереди, я заставил себя не думать. Там было четырнадцать торпед, у нас в любом случае не хватит для них ложных целей, даже если каждая будет срабатывать. Но они находились еще далеко, так что надо было разделаться для начала с ближайшими.

С правого борта раздался грохот спускаемой на воду шлюпки, и тут же я увидел розовое платье, мелькнувшее в отсвете пылающего востока. У меня отлегло от сердца, несмотря на крепчающую в душе панику.

– Оля! – крикнул я.

– Я же говорила, что мигом обернусь! – Она глянула на тело пронзенного стрелка и подскочила ко мне.

– Все равно я за тебя беспокоился.

– Я знаю, – ответила она.

– У нас тут такое было! Мы убили две торпеды. Точнее, одна сама взорвалась...

– Я видела. С земли передали, что выслали гравилеты, едва кончился шторм. Они уже на подходе. Нам, может, надо полчаса продержаться, не больше.

– Впереди тяжелая мина! – предупредил меня Николай.

– Право руля! – выкрикнул я.

И тут же по цепочке побежало: «Право руля! Право руля!»

– Если уйдем на десять румбов, обойдем опасную зону. –

Николай сверился с координатной сеткой.

– Десять румбов вправо! – добавил я.

– К нам идут две группы гравилетов, – продолжила Оля. –

Одна сейчас чуть ближе, идет с Полинезии. Там три транспортника, каждый из которых может взять по семьдесят взрослых или по сто детей. Будут через полчаса приблизительно.

– Этого мало, – помотал головой я.

– Знаю. Поэтому австралийская спасательная группа выслала еще пять машин, но им до нас сейчас чуть больше часа лету.

– Очень большая разница по времени, нам не продержаться, – хмуро ответил я.

– Мы что-нибудь придумаем, – подмигнула мне Оля. – Как плечо?

– Нормально, – соврал я. – Только пульсирует очень сильно.

– Через полчаса надо будет сменить повязку, а то может начаться омертвление тканей.

– Если через это время не окажемся в гравилете, то можно будет уже не менять, – отмахнулся я.

– Глупая шутка. – Оля нахмурилась.

– Лучше скажи, ты не знаешь, почему не работает высокочастотная связь?

– Скажи спасибо, что ребятам удалось запустить аварийный спутниковый канал! Хотя с землей связались.

Я вздохнул и вынул из уха горошину рации. Она мне так и не пригодилась, а теперь с нее и вовсе никакого проку, ведь высокочастотная связь действуют в радиусе не более двух километров, она приспособлена исключительно для передачи команд членам корабельных экипажей или для координации действий на строительных работах внутри зданий.

– Не выбрасывай. – Оля протянула руку. – Дай мне на память.

– Возьми, – пожал я плечами.

Николай оторвал взгляд от экрана и сказал:

– Три торпеды увеличили ход. Сейчас они подойдут к ботику.

– Стрелкам изготoвиться! – крикнул я. – В рубке приготовить к полному развороту кругом!

Я не был обучен корабельному делу, поскольку, когда вырос, в океан никто не выходил уже много лет, поэтому даже представления не имел, какой это трудный маневр – развернуть притопленный лайнер класса «Принцессы» на сто восемьдесят градусов. Но я не видел другого выхода.

– Приготoвиться к развороту кругом! – пронеслось по живой цепочке.

Я метнулся к экрану и впился взглядом в изображение. Торпеды сбавили ход и начали огибать ботик, очевидно зондируя его ультразвуком на предмет наличия в нем беглецов

с корабля.

– Прицел на ботик! – скомандовал я стрелкам. – Огонь!

Девять ракет рванулись через наши головы, с воем раздирая пространство. На этот раз дымные следы прочертились не параллелями, а сошлись приблизительно в одной точке – там, где перекачивался через пенные волны оранжевый бот. Девять близких разрывов и одно прямое попадание разнесли шлюпку на рваные лоскуты пластика, но не успели взмыть ввысь пенные столбы, как еще два мощных взрыва одновременно спрессовали воздух в трех кабельтовых от нас.

– Две детонации! – сообщил Николай чуть раньше, чем ураган двойной ударной волны напором пронесся по искореженным мачтам «Принцессы». – Одна торпеда уцелела.

– Шестерым стрелкам на нос! – скомандовал я, понимая, что мой маневр не во всем удался. – Трое остаются на корме. Носовым стрелкам вести беглый огонь по торпедо, двоим оставшимся дать залп после разворота, чтобы отпугнуть две приближающиеся стаи.

Шестеро стрелков без лишних вопросов бросились вперед, перелезая через нагромождения поваленных взрывом конструкций.

– В рубке! Полный разворот кругом! – добавил я и устремился вслед за стрелками.

– Андрей, ты куда? – крикнула Оля.

– Береги тетрадки! – бросил я ей через плечо.

Пролезая под искореженной мачтой, я, несмотря на страх

и брезгливость, подобрал из лужи крови оброненное погибшим стрелком ружье. Снять с него патронташ оказалось труднее и с психологической стороны, и с физической, но я справился с этим, опоясался лентой ракет, закинул тяжеленное ружье на плечо и продолжил путь вдоль борта. Яркий солнечный диск поднялся над горизонтом, лохматым от вздыбившихся волн, и стало совсем светло. Мне приходилось перепрыгивать через гнутые балки и прутья, от которых по палубе расплзались длинные четкие тени, пару раз зацепился штанами и оцарапал ногу, но это не имело никакого значения. Я хотел достигнуть носовой части судна до того, как оно выполнит разворот. Мне хотелось принять участие в драке с торпедой – лицом к ее отвратительной страшной морде.

«Принцесса» сильно накренилась – я по неопытности приказал разворачиваться через поврежденный борт. Но в рубке справлялись, и это было главным на настоящий момент. Ветер свистел в леерах, мелкие соленые брызги то и дело долетали до палубы. На ходу я пытался разобраться с механизмом ружья, не хотелось спрашивать у стрелков, как обращаться с этой штуковиной.

Мой отец не любил оружия. Как-то раз я выстругал из полипласта винтовку, так он отнял ее у меня, переломил через колено и закинул в прибрежные заросли тростника.

– Оружие существует не для красоты, – строго сказал он тогда. – Не для развлечения, не для спорта. Его первая и

главная функция – убивать. Причем убивать путем нанесения тяжелейших повреждений организму. Любое оружие, попав к человеку в руки, превращает его в потенциального убийцу. Я не хочу, чтобы мой сын стал убийцей. Понял? Никогда не играй в такие игрушки!

Он не научил меня обращаться с оружием. А этой ночью мина убила его. Мина тоже была оружием, так что отец оказался прав. Несомненно. Но мне недостаточно было его правоты, мне хотелось простой и понятной мести. Не только за него, а еще за Ваксу, за дядю Макса и за всех, кто погиб от нападения биотехов. Я шел убивать торпеду – для меня это было важно.

Когда я добрался до бака, «Принцесса» заканчивала разворот. На самом носу расположиться было трудновато – эта часть судна пострадала больше всего. Местами от взрыва разошлись даже швы фальшбортов, не говоря уже о менее серьезных повреждениях палубы, надстроек, лебедок и кранов. И все же я намеревался добраться до самого якорного порта, чтобы стрелять в океан не навесом, а прямой наводкой. В идеале мне хотелось увидеть торпеду живьем, как она перескакивает с волны на волну, но скорее всего она не станет так рисковать, а, наоборот, уйдет в глубину, чтобы ударить нас со стороны киля. Поэтому единственным способом одолеть ее был залповый огонь из ружей, да еще с установкой замедлителей на ракетах. Только глубинные взрывы могут повредить атакующую торпеду настолько, что она сдето-

нирует.

– Умеешь с ружьем обращаться? – спросил меня дядя Сэм, когда я перелез через согнутую турель крана.

Я только помотал головой.

– Все просто. Достоешь ракету. Поворачиваешь замедлитель возле оперения. Сколько щелчков, столько секунд замедления. Вставляешь ракету в ствол, замыкаешь замок. Все. Нажимаешь пусковую пластину, ружье стреляет.

– А целиться?

– Вот по этой планке. Но сейчас целиться некуда, торпеда глубоко под водой.

Я взял у дяди Сэма ракету, провернул замедлитель на три щелчка и затолкнул ее в открытый казенник ствола. Ружье клацнуло, сбоку на цевье вспыхнула красная лампочка готовности. Вскинув приклад к плечу, я высунул ствол через щель в фальшборте, выдохнул от инстинктивного страха перед первым выстрелом и коснулся пусковой пластины. Ружье рванулось у меня в руках как живое, плюнуло вперед ярким огнем и дымом. Тут же еще пять выстрелов слились в единый вой и шипение. Я видел, как ракеты ударили в воду в полукабельтове от нас, отметившись на волнах едва заметными фонтанчиками брызг. Секунда, две, три... На четвертой один за другим начали срабатывать замедлители, и взрывы рванули воздух, вспучивая штормовой океан бурунами и фонтанами пены.

Я еще не успел опомниться, а взрослые уже перезаряжали

ружья. Мне отставать не хотелось, но навыка не было, поэтому я чуть не уронил очередную ракету, выставляя замедлитель. Но все же мне удалось ее удержать и зарядить ружье ненамного позже других.

Не успели мы дать второй залп, как мощно взвыла сирена на мостике. Мы обернулись – из рубки нам махали руками.

– Мы восстановили главный сонар! – донеслось до нас еле-еле.

– Вот бы еще связь починить... – вздохнул дядя Сэм. – Вслепую ведь бьем, а тварь где-то рядом.

Из рубки еще что-то выкрикнули, но никто из нас не разобрал, что именно.

– Приготовиться к залпу! – скомандовал дядя Сэм.

– Стойте! – раздался позади звонкий Ольгин голос. – Торпеда обходит нас с борта! Вы ее напугали!

– Чем? – не сообразил я.

– Наверное, вашей стрельбой. Не знаю. Но она не стала атаковать в носовую часть, а огибает корабль по очень широкой дуге.

– Хочет соединиться со стаями... – шепнул я. – Всем на корму!

Я бросился первым, закинув ружье на плечо. Остальные за мной.

Протискиваясь вдоль борта между поваленными конструкциями, мы заметили, как по наружному трапу из рубки стремительно спускается помощник рулевого.

– Торпеды догоняют нас сзади! – сообщил он, когда спустился пониже.

– Знаем! – кивнул дядя Сэм. – Как далеко гравилеты?

– Им осталось лететь минут пятнадцать.

– Мы можем увеличить ход? – спросил я.

– Ненамного. В основном не за счет мощности, а за счет откачки воды из трюмов. Каждые полчаса мы прибавляем ход примерно на три узла. Хотя насосы еле справляются.

– Мало. Придется отстреливаться, – сказал я сквозь зубы. – Связь с рубкой у нас будет?

– Видимо, нет. Все ресурсы пришлось перебросить на обеспечение работы органов управления.

Я вспомнил, как заклинило штурвал и как дергался пригвожденный к нему дядя Макс. Мне опять стало дурно, почти как тогда. Ольга то ли заметила это, то ли почувствовала – она решительно взяла меня за руку и потянула в сторону кормы.

– Осторожно, плечо! – выкрикнул я.

– Потерпишь. Там торпеды в четырех кабельтовых от нас!

– Будем отстреливаться... Хотя стрелять имеет смысл только в том случае, когда торпеды находятся у поверхности. Надо спускать на воду ботики! Один за другим. И взрывать их, едва к ним подходят торпеды!

– Пара таких взрывов, и торпеды перестанут к ним подходить, – помотала головой Оля. – Я придумала кое-что получше. Надо только скорее все делать, а то будет поздно.

Мы уже почти добрались до кормы, где Николай не спускал глаз с экрана сонара, когда Оля выдала мне свою идею. Честно говоря, услышав ее, я в первую секунду подумал, что от перенесенных нервных потрясений девочка тронулась умом. Даже шедшие с нами стрелки ошарашенно замерли, не зная, как реагировать.

Глава 5

Мертвые спасают живых

– Ты что, с ума сошла? – спросил я Олю, усаживаясь на палубу рядом с экраном. Меня с трудом держали ноги.

– Дай я тебе повязку сменю, – наклонилась она ко мне.

– Отстань со своей повязкой! – отмахнулся я. – Ты что, всерьез это предложила?

– У нас просто нет другого выхода.

– Есть! – выкрикнул я. – И я его нашел. Нашел и сделал. Ты видела! Торпеды подходят к пустым ботикам, чтобы зондировать их. Это очень удобная цель для стрелков.

– Они не будут подходить, если заметят, что там их ждет ракетный обстрел.

– Будут! Будут, потому что они должны уничтожать всех. А вдруг в ботике кто-то живой? Вдруг кто-то решил спастись таким образом? Все! Закрыли тему. Оля, я даже обсуждать это не собираюсь.

– Как хочешь, – пожала она плечами. – Но повязку надо сменить. У тебя рука посинела. К тому же, пока ты бегал с ружьем, я притащила из медицинского отсека бинт.

При упоминании о медицинском отсеке, где закончилась жизнь моего отца, мне стало так тоскливо, что захотелось взвыть.

– Ладно... – ответил я, затем набрал в легкие побольше

воздуха и закричал: – Спасательный ботик на воду! Спускайте шлюпки одну за другой, через каждые пять кабельтовых!

– Не дергайся! – прикрикнула на меня Ольга. – Рана разойдется. А так запеклась уже.

– Я не дергаюсь, я команду.

– Все равно успокойся. От тебя уже мало что зависит. Взрослые пришли в себя и взяли бразды правления в свои руки.

– Чушь! Никто, кроме меня, ничего не знает о повадках торпед.

– А ты?

– Я?

– Ты ведь тоже ничего не знаешь. – Она покосилась в сторону кейса с тетрадками.

– Теперь знаю. – Я сощурился от соленого ветра. – Пусть я и не разобрался с записями, но зато теперь знаю то, чего в них не было. Потому что отец никогда не видел такого, что довелось нам, – торпедную атаку на корабль в океане. И если мы выживем...

– Все, я закончила, – сказала Оля.

Теперь вместо тугого жгута из обрывка платья мое плечо стягивала плотная повязка из тонкого эластидового бинта.

– Так лучше, – признался я, подвигав плечом.

Спасательный ботик, освобожденный сварщиками, с громким плеском ушел за борт и вынырнул метрах в тридцати за кормой. Я придвинулся ближе к экрану, чтобы контро-

лизовать происходящее под водой. Торпеда, которую я хотел взять безумным маневром в лоб, присоединилась к двум объединившимся стаям. Однако положительный эффект от полного разворота кругом все же был – теперь торпеды перели на нас не встречным курсом, а догоняли с кормы, что давало нам хоть какой-то выигрыш во времени. К тому же теперь мы имели возможность оставлять позади себя шлюпки, вынуждая тварей отчаянно выбирать – гнаться за кораблем или исследовать ложные цели.

Все пятнадцать торпед выстроились почти правильным полукругом шириной около полутора кабельтовых, пытаясь взять нас в клещи. Я видел, как они перекрикиваются между собой при помощи ультразвука.

– На какой они глубине? – спросил я Николая.

– Сейчас они значительно углубились, чтобы не попадать бессмысленно под ракетный обстрел. Двигутся эшелонами порядка пятидесяти метров. Некоторые чуть глубже. В любом случае ракетами их не достать.

– Это пока они не обнаружили ботик, – усмехнулся я. – Приготовиться стрелкам! Прицел на ботик!

Сам я тоже схватил ружье. Мне очень хотелось показать Ольге, что я могу управляться с ним не хуже взрослых. И хотя пользоваться прицельной планкой мне еще не доводилось, но я быстро сообразил, что к чему. Глянув на экран сонара, я выставил прицел на шестьсот метров, потому что был уверен – торпеды нападут на шлюпку примерно в трех

кабельтовых за кормой.

Не успел я об этом подумать, как твари сломали правильный полукруг строя – они разделились на два рукава, в каждом по семь торпед, а одна с немыслимой на мой взгляд скоростью рванула вперед.

– Сорок узлов! – удивленно выкрикнул Николай.

Но торпеда погналась не за кораблем, чего я втайне испугался в тот миг. Нет, она ринулась в атаку на спасательный ботик, доказывая мою правоту.

– Я же говорил! – вырвалось у меня. – Они не пропустят ни одного целого ботика, сколько бы мы их ни оставили! Не имея возможности зондировать шлюпки, они их будут взрывать!

Через секунду высоченный столб воды взмыл всего в нескольких метрах от шлюпки. Ударная волна от взрыва была так сильна, что пластиковый оранжевый ботик сплюснулся, как раздавленная ореховая скорлупа. Нам тоже досталось – неожиданно налетевшая стена скомпрессированного воздуха опрокинула на палубу и меня, и стрелков, и Николая, и Ольгу.

– Ну, говорил же! – повторил я, помогая Ольге подняться.

– Чему ты радуешься? – хмуро спросила она.

– Как чему? Я оказался прав, торпеды нападают на ботик, а не гонятся за кораблем!

– Ты что, не понял? – Она изумленно глянула на меня. – Раньше они подходили к шлюпке скопом, и можно было

несколько штук истребить одним залпом, а теперь взорвалась только одна!

Я озадаченно умолк. Похоже, права оказалась как раз Ольга – торпеды быстро учились на ошибках и на ходу выработывали новую тактику.

– Ботик на воду! – крикнул я. Не мог же я стоять сложа руки!

Шлюпка с грохотом сошла с борта и рухнула в бушующий океан. Наверное, это был миг моей наивысшей растерянности. До подхода гравилетов оставалась еще уйма времени, а у меня не было ни малейшего плана. Четырнадцать торпед за кормой, неважный ход корабля и малая эффективность придуманной отцом защиты нанесли серьезный удар по моей воле. Не то чтобы я совсем раскис, но ощущение было не из приятных.

– Не трать ботики попусту! – Ольга впилась в меня взглядом.

– А что мне делать?

– Я тебе говорила.

– Нет! – Я решительно помотал головой.

Она резко отвернулась и отошла на несколько шагов. Оранжевая шлюпка быстро удалялась, переваливаясь через штормовые волны.

К нам подбежал незнакомый парень.

– Из рубки сообщают, что гравилеты на подходе, – сказал он. – Нам надо продержаться минут десять, не больше.

Я бросил взгляд на экран сонара. Торпеды снова выстроились полукругом и набирали скорость, без труда догоняя нас. «Неужели они никогда не устают?» – с отчаянием подумал я.

Снова разогналась только одна из торпед, а остальные упрямо держали строй, загоняя корабль, как дичь. Стрелки ждали команды, но я уже понял – ракеты можно не трогать. Торпеда настигнет шлюпку и взорвется сама, но нам от этого легче не будет, потому что торпед в стае все равно останется больше, чем у нас спасательных ботишков. Однако произошло все несколько по-иному. Тварь приблизилась к шлюпке на большой глубине. Очевидно, опасаясь ракетного обстрела, несколько раз громко выкрикнула ультразвуком, от чего экран сонара пошел мелкой зеленой рябью, и снова ушла в глубину. Никто из стрелков даже не успел вскинуть приклад к плечу. Взрываться торпеда не стала.

– Вот твари... – зло пробурчал Николай.

Оля молча стояла поодаль. Соленый штормовой ветер развеивал ее платье.

– Они больше не будут взрывать пустые шлюпки, – наконец сказала она.

И я понял, что она права. Она была с самого начала права, и если бы я не корчил из себя командира, то мы бы сэкономили один ботик. А так он колыхался на волнах, никому уже в этом мире не нужный, уплывая все дальше, пока не скрылся в утренней полумгле. Я физически ощутил, что для мно-

гих на корабле вместе с ним удалялась последняя надежда на спасение. С этим надо было что-то делать. Не столько с торпедами, сколько с отчаянием команды и пассажиров.

– Мы больше не будем спускать на воду пустые шлюпки, – твердо и громко произнес я.

Все на меня обернулись. Оля с надеждой, остальные с неодобрением. Они поняли, что я решил претворить в жизнь ее безумную идею. Ладно бы безумную – идея была кощунственной. Погибшие в этом бою должны были спасти живых.

– Андрей... – строго глянул на меня Николай.

Мне нужно было срочно придумать, как выставить затею в ином свете, чем все ее видели.

– Когда придут гравилеты, – жестко ответил я, – на них и живым будет тесно. Никого из мертвых гравилетчики не возьмут. Погибшие останутся тут. Потом торпеды догонят корабль и потопят его вместе с телами. Бессмысленно. А так мы устроим шикарные похороны. С салютом. Люди отдали жизни за то, чтобы спасти остальных. Так неужели после смерти мы бросим их здесь?

Похоже, я выбрал верную струну. Николай сощурился, стиснул зубы и обернулся к стрелкам.

– Малец прав, – кивнул дядя Сэм. – Это будут шикарные похороны.

– Внимание! – крикнул Николай. – Нас догоняет шальная торпеда! Идет глубоко, но полого меняет эшелон.

– Замедлители на пять секунд! – скомандовал дядя Сэм. –

Беглый огонь!

Ракетные выстрелы слились в сплошной вой. Били конечно же не прицельно, но снаряды ложились плотно и должны были дать хоть какой-то эффект. Через пять секунд в небо взмыли первые фонтаны взрывов.

– Тварь идет прежним курсом! – сообщил Николай. – У вас перелет в среднем на четверть кабельтова.

Стрелки перезарядили ружья и дали еще один залп. Но торпеда не стала ждать, когда сработают детонаторы, а резко прибавила ход и рванула сама. Взрыв произошел так близко, что меня оглушило и сбilo с ног. С неба рухнул соленый водопад с фрагментами корабельных конструкций, и тут же по корпусу «Принцессы» прошла дрожь вибрации.

– Вал винта повредило, – догадался Николай, вытирая кровь из разбитой губы. – Не потерять бы ход окончательно! Надо действовать быстро!

Первым на шлюпку погрузили тело моего отца. Я вспомнил, что в древности моряков так и хоронили – зашивали в мешок с ядром и спускали с борта. Всю жизнь отец был рыбаком, пока биотехи не отобрали у него океан. Не только у него – у всего человечества. И теперь океан принимал его в свои объятия навсегда. У меня слезы текли по щекам, но мне непреодолимо захотелось что-то сказать.

– Все мы когда-то вышли из океана, – дрожащим голосом произнес я. – И теперь вода забирает свое обратно.

Никто не ответил, хотя слышали многие. Спасательный

ботик со скрежетом соскользнул с борта и ухнул в пенные волны.

– Стрелкам приготовиться! – выкрикнул я, сжав кулаки.

Теперь торпеды не пройдут мимо ложной цели. Пусть зондируют ботик, они прекрасно знают, как выглядит человек.

Очередная торпеда покинула строй, обогнула ботик сначала по широкой дуге, но, нащупав ультразвуком человеческое тело за пластиковым бортом, начала заворачивать спираль с левой циркуляцией, подошла к цели почти вплотную и рванула, подняв в небо пару тонн океанской воды. Тут же следующая шлюпка пошла с борта. Затем еще и еще. Все погибшие в эту ночь, один за другим, отправлялись в последнее плавание.

– Гравилеты на горизонте! – Оля подбежала к нам и показала рукой на приближающиеся точки.

Нас снова окатило водой – одна из торпед взорвалась слишком близко.

– Надо готовиться к эвакуации! – сказал я дяде Сэму. – Стрелки уже все равно не нужны. Помогайте людям выбираться на палубу.

– Осталось всего три ботика, – хмуро сообщил Николай. – И мы сильно потеряли ход.

– Значит, спускайте их скорее, – ответил я. – Три ботика – три торпеды!

Гравилеты уже виднелись не точками, можно было различить четырехлапые угловатые корпуса и фиолетовые фа-

келы ходовых турбин. Я засмотрелся на них, и тут совсем близко взорвалась торпеда. Я как в замедленной съемке увидел движущуюся на нас стену воды, разлетевшийся вдребезги экран сонара и штангу леера, летящую мне прямо в лицо. Я не успел увернуться – мир потемнел, и на какое-то время я перестал существовать.

Очнулся я уже на борту гравилета от громкого женского плача. Голова болела чудовищно, я хотел сжать ее ладонями и наткнулся на широкий эластидовый бинт. Под ним нащупывалась огромная шишка. Турбины надсадно свистели – экипаж гравилета поднял машину на максимальную высоту, чтобы не попасть под огонь биотехнологических ракетных платформ. Транспортный отсек с пассажирами был переполнен. В основном со мной летели женщины и дети, но Оли я нигде не увидел, так же как и своей мамы. Я пытался спрашивать о них, толкался, перелезал через ноги, но все были так заняты собственными проблемами, что до меня никому не было дела.

Отцовских тетрадок я тоже не обнаружил. Я с ужасом понял, что кейс с бесценными записями попросту бросили на погибающей в океане «Принцессе». Было не до него. Когда спасение близко, людям свойственно терять голову. Но больше всего меня волновали не тетради, конечно. Я боялся, что с Ольгой и с мамой случилось нечто ужасное. Оля, как и я, тоже могла потерять сознание, ее могло смыть волной за борт, но самое вероятное, что до нее, как и до кейса, просто

никому не оказалось дела. Да и спящую в медицинском отсеке маму могли просто полениться тащить на палубу.

Я не выдержал и разревелся, пытаясь выгнать из себя со слезами весь накопившийся за ночь ужас, все накопившееся отчаяние. Но его было столько, что оно целиком захлестнуло меня.

Часть вторая

Цели и средства

Глава 6

Стычка

Я проснулся, накинул пеструю гавайку на плечи, вынул из-под подушки старенький автоматический пистолет и проверил, сколько после утренней пальбы осталось патронов. Оказалось, всего три штуки, а денег не было совершенно, так что, случись на меня еще одно нападение, останусь практически безоружным. А нападение ночью, да еще на юге Суматры, скорее норма, чем нечто особенное. Нравы тут диковатые, а власть полиции, несмотря на заверения голографических рекламных панно, не простирается дальше ста метров от полицейских участков.

Предыдущая работа, выручку с которой я вчера закончил проедать, была вполне себе ничего. За двадцать один год своей бурной жизни я выучился неплохо стрелять, поэтому за консультации в этом вопросе мог смело рассчитывать на приличное вознаграждение. Да и желающих заплатить обычно хватало. Беда только в том, что хватало и тех, кто хотел получить вознаграждение вместо меня. Точнее даже, тех, кто

пытался регулировать любое получение вознаграждений на их территории. Попросту говоря – бандитов. В этом городе за последний месяц мне пришлось уже трижды участвовать в перестрелках с рэкетирами, пытавшимися обобрать меня до нитки. И хотя, пощипав их изрядно, мне удалось выйти сухим из воды, но долго так продолжаться не могло. Опыт подсказывал мне, что город надо менять. И чем скорее, тем лучше, а то недолго и бомбу под дверь получить. Если этих ребят разозлить, они на многое способны. Иначе не были бы теми, кем они являются.

Прислушавшись к тишине за дверью дешевого гостиничного номера, давшего мне приют этой ночью, я решил все же почистить оружие. Оно много раз спасало мне жизнь, и в основном потому, что ни разу еще не отказывало. Я не давал ему возможности отказать. И сейчас не дам.

Когда я прогонял шомполом ствол своего БМФ-400, за окном, со стороны океана, полыхнула в темноте яркая вспышка.

«Мина», – привычно подумал я.

И тут же в подтверждение этой мысли воздух содрогнулся от мощного далекого взрыва. В прибрежных городах к грохоту давно все привыкли, хотя прибрежными их трудно было назвать – мало кто решался селиться и строить ближе, чем в трех километрах от кромки воды. Хотя, если дело касается биотехов, любые предосторожности могут оказаться напрасными. Я, например, уже больше двух недель не мог

забыть тот день, когда ракеты, пущенные с донной ракетной платформы, уничтожили город, в котором меня ждал очень важный для меня человек. Теперь и о городе, и о человеке остались только воспоминания. Я приехал на пылающие развалины. И дело, которое мы пытались начать вместе, тоже осталось в воспоминаниях.

Ко дню, когда я аккуратно прочищал ствол пистолета в гостиничном номере, биотехи уничтожили уже многих близких мне людей. Отца, маму, узкоглазого задорного Пака, Олю в розовом платье, чернокожего доктора Ваксу, дядю Эда, дядю Макса и многих других. Особенно сильной была последняя потеря. Не потому, что душевная рана от нее не успела зарубцеваться, а потому, что вместе с гибелью Кочи на неопределенное время отодвинулось воплощение клятвы, данной мною отцу.

Не скажу, что мы с Кочей были большими друзьями, меня многое в нем раздражало, даже слишком темный цвет кожи, если быть до конца честным. Раздражала его болезненная, на мой взгляд, неряшливость, раздражала манера говорить слишком громко и размахивать при этом руками. К тому же он курил. Он не бросил эту привычку даже во время эпидемии, считая, что древние боги его народа спасут его от злых духов, вызывающих болезнь. У него изо рта воняло, как из пепельницы, которую он все время держал на столе и даже носил в кармане. И он постоянно опаздывал, времени для него словно не существовало, невозможно было дол-

бить ему важность прибытия в назначенное место в срок. Меня это просто бесило.

Но зато Коча за свою жизнь убил много торпед. Когда он назвал цифру, я не сразу поверил, пришлось уточнять. Хотя чего уточнять? Ведь я искал его именно потому, что о нем по всей округе ходили слухи один неправдоподобнее другого. Коча был профессионалом, наверное, единственным в своем роде – он убивал торпеды не из мести, как я бы хотел, а просто за деньги. Может быть, ради удовольствия, хотя сам он это отрицал. Но когда один раз мне удалось увидеть его на охоте, увидеть огонь страсти в его глазах, я многое о нем понял. Коча был охотником – вот что важно. В нем жили инстинкты хищника, зверя, это по многому в его поведении было заметно. Первобытный народ австралийских аборигенов, сыном которого Коча являлся, только охотой и жил. Поэтому Коча думал совсем иначе, чем мы, цивилизованные люди. Например, он считал, что у каждого зверя есть дух и есть боги, которые помогают зверю. Если богов во внимание не принимать, то зверя, конечно, поймать можно, но это отнимет куда больше времени и сил, чем если договориться с богами. Многие его взгляды вызывали у меня серьезнейшие сомнения, но, с другой стороны, результаты Кочиной деятельности заставляли поверить в самые неправдоподобные вещи.

Коча зарабатывал тем, что давал рыбакам ловить рыбу у берега. Рыба была в цене, и рыбаки охотно делились с Кочей

частью выручки. Даже рэкетеры, от которых в здешних краях спасения не было, его не трогали. То ли какая-то совесть у них еще оставалась, что сомнительно, то ли они суеверно считали, что на Кочу лучше не обращать внимания – рыбаков достаточно. Резон в этом был – его враги жили недолго. По странному стечению обстоятельств за полгода, который мы были знакомы, от совершенно естественных причин умерли три человека, так или иначе насолившие Коче. Один погиб в перестрелке с конкурирующей бандой, другой вдохнул слишком много «золотистого дыма», а третьего загрызла его собственная бойцовская собака. Коча к этому руку приложить не мог никак – он постоянно был рядом со мной.

Но и Коча оказался смертен. А какое дело могло бы завариться! В двенадцати километрах от города Рошан, построенного лет двадцать назад на месте выжженных джунглей, затонул в войну почти у самого побережья транспортник с грузом золота. Но близок локоть, да не укусишь! Поди попробуй сунься в воду, когда торпеды барражируют стаями! А кусочек-то лакомый дальше некуда. В общем, местные власти, прослышав о Кочиных подвигах, пригласили его на помощь за скромные десять процентов от груза. Но десять процентов в данном случае – грузовиком не вывезешь. Коча мозгами раскинул и решил взять меня в долю. Точнее, мозги тут наверняка ни при чем, ими Коча руководствовался в последнюю очередь – звериное чутье подсказало ему, в это я скорее поверю. Торпеды ладно, он с ними мастак справлять-

ся, а вот что делать дальше? Груз надо поднять и доставить на берег. Без техники нечего и думать повернуть подобную операцию, а с техникой Коча был не в ладах. Настолько, что даже пистолетом не пользовался, применяя во всех стычках жутковатый полуметровый малазийский кинжал, с которым умел искусно обращаться.

Вдвоем мы разработали операцию. Понятно, что Коча должен был взять на себя биотехов, а мне пришлось спешно осваивать автономное водолазное снаряжение. Найти его оказалось куда сложнее, чем с ним разобраться. Чтобы добыть примитивный воздушный аппарат, мне потребовалось с приключениями объехать три города, протопать пешком по джунглям километра три, да еще ввязаться в стычку с местными лесными разбойниками. В общем, весело было – обхохочешься. В конце концов, растратив почти все деньги и патроны, но добыв аппарат, я собирался вернуться в Рошан, где меня ждал Коча. Да вот судьба распорядилась иначе. Вернуться-то я вернулся, только от Рошана остались одни развалины. Ни с того ни с сего какая-то донная платформа саданула по городу ракетами. И все дела. Выходит, сколько ни перебил Коча биотехов, а погибнуть ему суждено было именно от них.

А я что? Бросил аппарат, не таскаться же с ним, да и отправился обратно, подрабатывать стрелковым инструктором. Но и на этом поприще не очень-то повезло. Хотя все было бы нормально, не поругайся я с рэкетирами в самом

начале. Хотя как с ними не поругаться? Ну от чего меня защищать? Защитить я себя и сам могу, мне бы главное не мешали. Но нет же, не сидится людям спокойно.

В результате ни денег, ни жилья, ни друзей, ни помощников. Как-то слишком умело судьба загоняла меня из одной задницы в другую. Я вздохнул, вернул вычищенный пистолет в боеспособное состояние, сунул его в кобуру на поясе, прихватил рюкзачок с нехитрыми пожитками и тихонько выбрался на балкон.

Жаркая, несмотря на сезон дождей, ночь южной Суматры была пронизана звоном цикад, запахами нечистот с ближайшей помойки и шумом семейной драки в соседнем доме.

«Посуду бьют», – прислушался я, прикрывая за собой балконную дверь.

Я уже забыл, когда в последний раз платил за гостиничные номера. Какой смысл, если в каждом захудалом отеле занято от силы номеров пять? Для усталого путника всегда найдется комнатка на ночь. Главное только не соваться в светлое время суток, а то скандала не избежать. И еще важно выбирать номера не на первых двух этажах, чтобы если вдруг вечером объявится постоялец, он не ввалился именно в твой номер. На третий этаж с вещами ему подниматься будет лень, а на четвертый и подавно.

Поэтому у меня еще несколько лет назад выработалась устойчивая привычка ложиться спать вскоре после захода солнца, а просыпаться часа за два-три до восхода. Никакой

будильник уже не требовался, да и не было у меня его отродясь. При таком режиме в постели особенно не понежишься, да и на утренний кофе трудно рассчитывать, зато какая экономия на жилье!

Осторожно спустившись по водосточной трубе, я огляделся, но никакой опасности не обнаружил, если не считать трех бродячих псов, дожирающих чей-то труп на помойке. Хотелось верить, что не человеческий. Псы были крупные, таких имеет смысл опасаться. Почуввав меня, один из них, рыжий, поднял тупую короткую морду и глухо, по-медвежьи заревел. Я положил ладонь на рукоять пистолета, пес тут же поджал уши и присел на задние лапы. Знает, тварь, что такое огнестрельное оружие в руках человека. Не удивлюсь, если доедали они как раз своего сородича, погибшего от чьей-то пули. Но мне тратить патроны на собак всегда казалось непроизвольной роскошью.

До восхода оставалось часа два. За это время мне полюбому надо слинять из города, а то вряд ли отпустят без боя. А биться нечем. Хорошо, что бандиты не знают о моих финансовых трудностях, иначе уже взяли бы под белые ручки. Пешком переться до окраины далеко и опасно, всегда есть шанс наткнуться на местных грабителей, вооруженных самопальными фитильными ружьями, арбалетами, цепями и обрезками водосточных труб, утяжеленными свинцом для надежности. С тремя патронами такая встреча для меня могла плохо закончиться, поэтому следовало обзавестись авто-

транспортом. Дело не легкое – каждая машина на счету, никому и в голову не придет оставлять ее так, чтобы можно было угнать. Но у меня имелось одно преимущество, возникшее каждый раз, когда в каком-то городке приходилось задерживаться на недельку-другую. Поэтому действовать я решил как обычно – в тяжелой ситуации всегда лучше пользоваться уже проверенными методами, а новые изобретать в более спокойной обстановке, причем лучше на основе чужого горького опыта.

Поэтому направился я не к окраине, а, наоборот, к центру, где располагалась главная площадь. Улицы были пустынные – да оно и понятно. Без крайней необходимости, какая была у меня, шастать ночью по городу несколько опрометчиво. Преодолев три квартала, я увидел знакомую двенадцатиэтажку, в которой размещались местные органы власти. Все окна были темны, а на первых трех этажах, как я знал, выбиты все стекла. Таким образом местные выражали недовольство реформами, а заодно упражнялись в поражении удаленных целей.

Главная площадь – единственное место, где ночью можно встретить таксиста. Причем причина это заключается не в близости полицейского участка или органов власти, а в оплаченном договоре между рэкетирами и таксистами. Первые пообещали пристрелить всякого, кто будет посягать на жизнь, здоровье и целостность кошелька таксистов, а вторые исправно опустошали за это свой кошелек в пользу первых.

Симбиоз, чтоб его.

Конечно, постоянного бандитского патруля на площади не было, слишком дорогое это удовольствие – держать без дела вооруженных ребят. Этим я и собирался воспользоваться, поскольку на угрозы бандитов мне уже некогда было обращать внимание. Даже если я буду до крайности ласков с таксистами, даже если приготовлю каждому подарок к рождеству, при встрече с бандитами меня не ждало ничего хорошего. Семь бед – один ответ.

Перед административной двенадцатиэтажкой притулилась к бордюру старенькая шестиколесная «Агава», покрашенная дешевой флюоресцирующей краской. Я прекрасно знал водителя по имени Фердинанд, но другой машины не было, а отступать было поздно. Пришлось выйти на площадь. Я пересек ее быстрым шагом почти до середины, когда Фердинанд отвлекся от «видуна» с порнухой, заметил меня и со всей возможной поспешностью запустил под капотом турбину. Я положил ладонь на рукоять пистолета.

Понятно, что в моих стрелковых способностях Фердинанд сомневаться не мог, поэтому он не спешил перевести управление в драйв, а напряженно смотрел, как я приближаюсь.

- Привет, Хай, – первым поздоровался он.
- Привет, Фердинанд. Работаешь?
- Да, моя смена. Ехать куда-то собрался?
- Вообще-то надо бы. Из города.
- Понимаю, – вздохнул таксист. – Жаль, у меня водорода

в баллонах едва на пять кварталов хватит...

– Не заправился, – с сожалением махнул я рукой, оставив другую на уровне пояса, где крепилась кобура. – Не подумал.

– Да нет. С деньгами полная беда.

– Ну да, – улыбнулся я с пониманием. – Откуда у пожилого педика деньги?

Фердинанд вздохнул. Я видел, что он потянулся под приборную панель за пистолетом, но мне неохота было тратить патрон. Пришлось прыгнуть к машине, ухватить таксиста за волосы, вытянуть через открытое боковое окно по шее, а затем просунуть руку в салон и нажать кнопку подъема стекла. Шея у Фердинанда оказалась намного толще моей руки, поэтому ему пришлось не сладко, а я высвободился без проблем и отпрыгнул в безопасный для его огня сектор – поближе к багажнику.

– Отпусти! – прохрипел Фердинанд.

– Пушку выкинь наружу.

Таксист закричал, и через секунду тяжелый тридцатизарядный «Гренадер» звонко грохнулся на стеклоновую мостовую. Патрон к нему был идентичен тому, которым снаряжался мой «БМФ-400», что уже само по себе было удачей. Я подобрал оружие, сунул за пояс и открыл правую дверцу. Садиться на сиденье чужой машины всегда связано с отдельным риском, тем более что я понятия не имел, какая именно ловушка пряталась в «Агаве». Иногда таксисты ограничиваются применением мощного электрошока на пассажирских

сиденьях, а иногда устанавливают под обивкой портативную артиллерию, вышибающую в задницу нежелательного пассажира граммов двести картечи. Пришлось содрать обивку и хорошенько обследовать пространство под приборной панелью. Именно там я и нашел тридцатимиллиметровую картечницу с электрическим спуском, направленную точно в пах пассажиру. В пах – это на случай, если клиент вдруг окажется защищен бронежилетом или легким композитным доспехом, что хоть и редкость, но вполне вероятно.

Найти картечницу – уже хорошо. Но я знал, что одной лопушкой таксисты редко ограничиваются, а небедный Фердинанд мог позволить себе изыски. Я хотел продолжить поиски, но меня привлек шум мотора кварталах в трех к югу. Ни с кем встречаться мне не хотелось, поэтому пришлось идти на осознанный риск. Вынув «Гренадер» из-за пояса и держа Фердинанда на прицеле, я опустил стекло.

– Пересаживайся на пассажирское кресло, – сказал я ему. – Поведу сам.

– Какого, мать твою, дерьма?!

– По кочану, – ответил я по-русски, но Фердинанд, кажется, понял.

С кислой миной он водрузился на ободранное мною сиденье и демонстративно поднял руки. Это был плохой знак. Очень плохой, но какое-то время у меня было, чтобы принять меры безопасности. Вскочив на водительское сиденье, я до упора выжал акселератор и толкнул ручку управления в

положение «драйв». Машина, взвизгнув резиной, рванула с места, постепенно уравнивая обороты турбины. Но засыпать я мотору не дал – это было не в моих интересах. Дважды толкнув акселератор, я перевел систему в режим форсажа. Турбина глухо торкнулась и вдвое громче засвистела лопатками, разгоняя нас все сильнее.

– Убьемся! – выкрикнул Фердинанд.

– Успокойся, противный! – ответил я ему сладким пидорским тоном, а затем добавил уже нормальным голосом: – Какая ловушка у тебя на водительском кресле?

Он промолчал. Я сильнее вдавил педаль, и нас тут же чуть стукнуло спинками сидений от ускорения. Несмотря на почтенный возраст, «Агава» разгонялась легко, чувствовалось, что хозяин следит за машиной. Ночная улица как в страшном сне понеслась нам навстречу. Я еле успевал покачивать ручкой управления, чтобы не вписаться в столб или в стену.

– Если со мной на такой скорости что-то случится, – сквозь зубы произнес я, – то после удара от тебя мокрого места не останется. Даже если выживешь, остаток жизни будешь срать под себя в инвалидном кресле.

Вместо ответа гей закатил глаза и дико закричал в потолок. Обычно самострелы, направленные на сиденье водителя, срабатывают не от кнопки. Ее ведь не нажать, если что. Они срабатывают через какое-то время, если, наоборот, не нажимать контрольную кнопку. Сядет угонщик вроде меня, проедет полкилометра, а тут и срабатывает картечница или

электрошок. По городу ведь на большой скорости обычно не ездят, а значит, машина получит лишь минимальные повреждения. С таким-то бампером, как у «Агавы».

Мне пришлось с размаху врубить Фердинанду рукояткой пистолета в челюсть, чтобы он умолк. Помогло.

– Где контрольная кнопка? – спросил я.

– Нажми ногой слева от тормоза, – выдавил из себя таксист.

Я толкнул в указанное место носком туфли, там еле ощутимо клацнул контакт, и в тот же миг машина начала резко, но не юзом, тормозить. Я попытался пнуть акселератор, но турбина заглохла и молотила воздух по инерции, с неприятным понижающимся стоном.

«Перехитрил, гад!» – подумал я.

Но на эмоции времени не было. Понятно, что, нажав кнопку, я привел в действие секретный механизм торможения, а как только скорость упадет до безопасной, мне в живот или в ноги шарахнет картечница. Переваливаться на заднее сиденье тоже было опасно – там могли оказаться другие ловушки. Поэтому единственным выходом было прыгать на ходу из машины. Я нажал кнопку открывания двери, но она не сработала. Тогда рукоятку пистолета я высадил боковое стекло, вскочил на сиденье и щучкой скользнул наружу. Тут же позади шарахнул залп из самострела-ловушки.

Короткий полет завершился таким мощным ударом, что у меня искры из глаз посыпались. Левую руку я рассадил о

бетон, а локтем снес то ли прогоревшую бочку из под масла, то ли мусорный бак, но загрохотало на всю улицу. Прокатившись колбасой по бетону и стараясь не выпустить из руки пистолет, я наконец распластался посреди проезжей части. Полсекунды мне понадобилось, чтобы прийти в себя, затем я вскочил на одно колено, вскинул «Гренадер» на уровень глаз и поймал в прицел откатившуюся метров на двадцать «Агаву». В свете фонаря было видно, как из бокового водительского окошка вьется струйка порохового дыма. Машина остановилась, но никаких действий Фердинанд не предпринимал.

«Обгадился со страха», – решил я, поднимаясь на ноги.

Перекат по бетону и для ног не прошел безнаказанно – болели мышцы и кости, но я не позволял себе обращать на это внимание. Стараясь не сбить дыхание, я скользнул вдоль обочины, не выпуская заднее стекло такси из прицельной рамки. Но, заглянув в окошко, понял, что пистолет мне сейчас не понадобится. Бедняга Фердинанд установил вторую картечницу в дверце водителя в расчете на то, что, когда она сработает, угонщик будет сидеть на месте. Но меня в момент выстрела на месте не оказалось, и вся картечь пришлась таксисту в левый бок, разорвав ему брюхо, вывернув ребра, вывалив наружу кишки и печень. Все было залито выплеснувшейся из артерий кровью, а на мертвом лице Фердинанда сохранилась последняя эмоция – дикий ужас понимания того, что неотвратимо должно было произойти.

Я открыл правую дверцу и, морщась от вони разорванных кишок, выволок полураспотрошенную тушу таксиста на мостовую. Крови из него, однако, вылилось столько, что она перехлестнула через порог «Агавы». Мне пришлось поковыряться с разводкой проводов, отключить окаянную кнопку, запустить турбину и заехать левыми колесами на бордюр, чтобы под наклоном лужа крови вылилась из машины на бетон хоть частично.

Меня беспокоило, что выстрел картечницы мог разбудить какого-нибудь горожанина и вызвать у него желание подзаработать. Сделать это легко – ведь у таксистов с рэкетирами договор, а значит, закинув на бандитский сетевой «сервер доверия» информацию о нападении на таксиста, можно рассчитывать на вознаграждение. Сетевые адреса подобных серверов были написаны на стенах домов во всех районах, и сколько местные власти ни пытались их оттирать, они исправно появлялись снова.

Это была серьезная опасность – стоит замешкаться, и хорошо вооруженный патруль рэкетиров прибудет раньше, чем я отсюда смоюсь. Поэтому мешкать было нельзя. Я запустил турбину на самый малый ход, чтобы не свистеть мотором на всю округу, осторожно скатился с бордюра, чуть поддал и свернул в первый же попавшийся переулок.

Лучше всего мне было двигаться на север, там сложнее заработать денег, но куда меньшее влияние имеют бандиты, от которых я откровенно устал. Тем более что я на основании

собственного опыта уже знал: где труднее заработать, там есть шанс найти очень много денег. А мне нужно было именно много денег – другие варианты не позволили бы выполнить данное отцу обещание. Далеко ехать на угнанной, залитой кровью «Агаве» я не собирался. Надо было просто выбраться из города, бросить машину, пройти по лесу километров пять, а уже с рассветом выбраться на дорогу и поймать один из автобусов, курсирующих между городами. Затесавшись среди измученных жарой и работой пассажиров-крестьян, можно было без особых проблем пересечь экватор, что и входило для меня в план-максимум.

Проехав четыре квартала в сторону северной окраины города, я уже было расслабился и хотел набрать обороты, но увидел впереди неожиданно вывернувший из переулка тяжелый внедорожник «Гранд Кибер 200», увешанный прожекторами по самое некуда. На такую машину и пулемет установить – делать нечего. В основном их для того и покупали, чтобы пулемет устанавливать. Но мне не очень-то хотелось проверять степень укомплектованности «Гранда», поэтому я нажал на тормоз и резко качнул ручку управления, улизнув на перпендикулярную улицу. Прятаться теперь было бессмысленно, поэтому я врубил на полную мощность все фары, выбелив перед собой сияющий коридор. Дома и ржавые осветительные опоры призраками проносились мимо, я откинулся в кресле и попробовал вспомнить схему расположения улиц в седьмом округе. В принципе, это могли быть пре-

следователи по мою душу, а могли оказаться и просто ночные разбойнички. Хотя разбойнички вряд ли – дураком надо быть, чтобы грабить такси. Разве что заезжие, но тоже сомнительно. В любом случае если они на одной машине, то сделать их не составляло труда – были в старом городе места, где на «Агаве» проскочишь, а вот «Гранд» не пролезет при всей своей проходимости. Да и в скорости у легковушки значительное преимущество. Хуже, если у ребят с собой рации высокочастотной связи, если они – на трех-четырех машинах и могут согласовать свои действия. Тогда драки не избежать.

Выскочив на прямую улицу, я чуть сбросил газ, отпустил ручку управления и принялся перезаряжать патроны из непристрелянного «Гренадера» в куда более привычный «БМФ-400». Хорошо бы у них магазины были взаимозаменяемые, но нет. Не все коту масленица.

Справившись с этой задачей, я втопил газ на полную, турбина взвыла, а сиденье пнуло меня в спину ощутимой перегрузкой. Шестиколесная схема «Агавы» обеспечивала отличную устойчивость при входе в поворот, поэтому в скорости я себе не отказывал. К тому же в новом городе улицы значительно шире и прямее, чем в старом, так что отрываться следовало именно тут. Потом настанет время маневров, а не скорости. Но это потом.

Такси с воем прошивало ночное пространство, поднимая вдоль бордюров тонкий пластик старых газет, одноразовые

стаканчики и другой накопленный за несколько дней мусор. Фары вырубали в темноте упругий световой тоннель.

«Вот бы такую скоростную машину под водой, – мелькнула в голове неожиданная мысль. – Ни одна бы торпеда не догнала. Был бы шанс сразиться с ними в родной стихии».

Снова прикинув расположение улиц, я понял, что в сложившейся ситуации единственным моим союзником может быть именно скорость. Внедорожник, при всей монстроузной мощности, легковушке на трассе не ровня, а значит, надо не петлять переулками, а гнать по главной улице на трассу YRT-26, ведущую точно на север. За пределами города зона влияния местных рэкетиров кончится, и им будет гораздо сложнее ловить меня согласованно. А без такой согласованности у меня будет шанс даже при их численном превосходстве.

Вырулив на главный северный проспект, я довел обороты турбины до предела. Иногда мимо алыми трассами мелькали пылающие масляные бочки, у которых устроились на ночлег бездомные, иногда сверкали акриловые панели брошенных пунктов дорожной полиции. Чем ближе к окраине, тем больше наблюдалось разрухи – новый город постепенно вращался в старые развалины, оставшиеся с войны. Он вращался в них проспектами и домами, пытался раздвинуться до нормальных когда-то размеров, но не мог – поредевшее население не имело ни сил, ни желания расчищать послевоенные завалы. У кого были деньги, строились в центре, у кого не было, жи-

ли в развалинах. Без электричества, без воды, без намека на действующую канализацию. В условиях жаркого климата все это порождало бесчисленные болезни, но люди из холодных широт все равно съезжались к экватору, поскольку без жилья там смерть, а жилья после войны осталось немного. По мере возрождения городов народ начинал возвращаться на прежние места, но большинство не спешило – при всех недостатках тропики обладали определенными преимуществами.

Я уже несся по проспекту через старый город, готовый вот-вот вырваться на YRT-26, но заметил впереди неясное движение. Это была не машина. А если и машина, то без фар. В любом случае, кто бы там чего ни устраивал, но хотелось ему до поры остаться незамеченным. А если уж что и устраивать на проспекте, так это завал или шипованное ограждение.

«Похоже, они меня провели», – подумал я.

Вспомнилось, как в тот страшный черный день торпеды гнали нас на мину, притаившуюся в океане. Сейчас ситуация была очень похожей, но мне не хотелось ее повторять. К тому же в моем распоряжении теперь был не полузатопленный турбоход, а вполне себе на ходу «Агава». Я качнул ручку влево, выскочил на разделительную полосу, выбивая из днища искры, и хотел развернуться, но заметил два тяжелых «Гранда», жмущих в мою сторону по обеим сторонам разделительной полосы. Это меня никак не устраивало. Однако что ждало на выезде – тоже не ясно, а жизнь приучила

меня к мысли, что известная опасность всегда меньше скрытой. Поэтому, подумав секунду, я соскочил с разделительной полосы и, не особо разгоняя турбину, покати́л навстречу «Грандам».

Если у них на крышах установлены пулеметы, то дела мои плохи. Если нет, то есть шанс прорваться. Понятно, что они тоже не дураки и рассчитали наиболее вероятный маршрут, по которому я решу покинуть город в сложившейся обстановке. Отсюда и завал. Но на всех проспектах они завалы сделать никак не могли, да и технику подтянули наверняка только сюда. Поэтому, если вырваться из загона, можно было рассчитывать выйти за город по широкой западной трассе, которая вдоль побережья тоже уходит на север. Трасса опасная ввиду близости побережья, поэтому давно заброшена и не так хороша, как YRT-26, но все же лучше, чем встреча с озверевшими рэкетирами. А вот сунутся ли они туда – большой вопрос. Скорее всего ответ на него можно дать отрицательный.

План у меня был простой, я не раз его применял. Надо катиться медленно, перед самым внедорожником остановиться, сбивая преследователя с толку, а затем резво дать газу и обойти его впритирочку. Всю дорогу он не займет, а пока будет разворачиваться, мой след уже простынет. К сожалению, на крышах «Грандов» стояли яркие прожектора, мешавшие убедиться в отсутствии пулеметов. Мало будет радости, если мой маневр закончится крупнокалиберной очередью в спи-

ну. А вероятность этого была не так уж мала. Против пули и приличной скорострельности мало помогают скорость и маневренность. Броня хорошо помогает, но на «Агаве» она явно не была предусмотрена.

Водитель «Гранда», видя, что я сбавляю ход, тоже начал притормаживать, и мы с ним остановили машины в десятке метров друг от друга. Медлить было нельзя. Я выдохнул, отпустил тормоз, вдавил до упора педаль акселератора и качнул ручку вправо, обходя тяжелый внедорожник. Его борт просвистел в полуметре от моего окна, и краем газа я успел разглядеть пулемет на крыше. А за ним чернокожего пулеметчика в белой рубашке и парусиновых штанах. Это было не просто плохо – это было отвратительно, но останавливаться было поздно. В таких случаях один только выход – петлять.

Стиснув зубы от напряжения, я начал раскачивать ручку в обе стороны, «Агава» заложила вираж направо, зверски визжа шинами, затем налево, выпуская дым из-под колес, затем снова направо. И тут загрохотал пулемет.

Вообще-то пули летят на сверхзвуковой скорости, а следовательно, достигают цели раньше, чем звук выстрелов. То, что я услышал очередь, уже было хорошо, поскольку означало промах противника. На таком расстоянии почти невозможно промахнуться, но даже если допустить, что пулеметчик нанюхался «золотого дыма», в дорогу-то он должен был попасть! Однако ни одного рикошета ни перед собой, ни сбоку я не увидел.

«Холостыми они лупят, что ли?» – мелькнула в голове дурацкая мысль.

И в тот же миг воздух разорвало оглушительное шипение, какое издают только пробитые топливные баки. И снова очередь. Я бросил взгляд на экран заднего вида и оторопел – пулеметчик с одного «Гранда» обстреливал другой «Гранд»! Машина с пробитыми баками уже полыхала, а в следующую секунду водород смешался с воздухом и оглушительно взорвался, выкинув в ночное небо грибовидный сполох огня.

По какой бы причине это ни произошло, такую удачу упускать было глупо. Неизвестно, что на уме у пулеметчика, какой гадости он наелся или нанюхался, что он выкинет в следующий миг. А потому его следовало обезвредить, пока он занят обстрелом дружков. Хотя от дружков в соседней машине уже мало что осталось.

Резко заложив ручку влево, я нажал на тормоз, остановил «Агаву» поперек дороги и выхватил из кобуры «БМФ-400». Но, едва подняв рамку прицела на уровень крыши уцелевшего «Гранда», я заметил, что никого за гашеткой пулемета нет. Тут же из машины раздалась беглая стрельба, но, судя по искрам, стреляли изнутри не в меня, а в то место, где только что находился выживший из ума пулеметчик. Тогда я опустил прицел ниже и дал две короткие очереди по три пули, целясь в заднее окно внедорожника. Акрил оказался уплотненные, может быть даже армированные, по крайней мере мои пули только замутили его, но пробить не пробили,

завизжав на всю округу длинными истошными рикошетами.

Оставалось лишь ждать, когда ребята выскочат, чтобы попасть под мой огонь, или когда вспышки выстрелов обозначат места наличия амбразур, сквозь которые я смогу загнать пули внутрь. Через секунду боковая дверь взмыла вверх, открываясь, и один из смельчаков черной тенью скользнул на капот, по всей видимости в попытке занять место за гашетками пулемета. Хорошего в этом было мало – со своей точки достать выстрелом я его не мог, стервец надежно укрылся за лобовым окном. Если его и получится снять, то лишь когда он высунется, чтобы открыть огонь, но тут я могу и не успеть.

Но не успел я об этом подумать, как черная тень с коротким вскриком вскочила во весь рост, нелепо взмахнула руками и рухнула на шоссе, дергаясь в конвульсиях. Это было неожиданно, но я понял что происходит: в рядах противника находился мой союзник. Откуда он мог взяться? Да, большим количеством друзей я не мог похвастать, к тому же только один из них мог убивать беззвучно. И несмотря на то, что этого союзника не могло быть в живых, я выкрикнул изо всех сил:

– Коча!

В этот момент дверь «Гранда» захлопнулась, взвыла турбина, и машина рванулась вперед. Похоже, ребята поняли, что смотаться в данной ситуации для них лучший выход. Выйти из зоны поражения, посадить пулеметчика и расстрелять меня с большой дистанции. В данном случае для меня

тоже было бы наилучшим отступить, только в другую сторону, но это годилось бы, если бы я был один. Наличие неожиданного напарника предполагало другую тактику.

Выскочив из машины, я открыл прицельный огонь по колесам, за несколько секунд разбортировав десятком пуль оба задних. Внедорожник просел, но продолжал еще какое-то время двигаться, пока оголенные диски не начали высекать из бетона искры. Тогда «Гранд» остановился, двери распахнулись, и по «Агаве» открыли огонь сразу из трех стволов короткими очередями. Я едва успел броситься под машину, но это было весьма ненадежное укрытие, если принять во внимание случайные рикошеты и возможность воспламенения баков с топливом.

Надо было отвечать, а то долго под обстрелом не держаться. Чуть высунувшись из-за пробитого уже колеса, я разглядел две вспышки справа от «Гранда». Пули щелкнули по бетону рядом со мной, но я дал две короткие прицельные очереди, после чего заметил две рухнувшие на бетон тени.

«Эх, папа, – подумал я. – Если бы ты знал, как мне пригодится то, чему ты меня отказался учить!»

И наступила полная тишина, в которой раздался знакомый голос Кочи:

– Эй, Хай! Ты живой там?

– А что мне сделается? – хрипло ответил я, не поднимаясь с бетона. – Надо сматываться, а то впереди завал, и с минуты на минуту можно ждать подкрепления.

– Я бы рад, Хай, но у меня небольшая проблема.

– Что такое? – насторожился я, вылезая из-под машины.

– Ногу мне зацепило пулей. Что-то совсем идти не могу.

– Не моей, надеюсь?

– Нет. Винтовочная.

Хорошего в этом было мало. Я со всей возможной скоростью бросился к обездвиженному «Гранду». Вокруг него валялось несколько тел в черных одеждах и Коча в окровавленных белых парусиновых штанах и в такой же окровавленной белой парусиновой рубаше. Обувки на нем, как обычно, не было. Зато в руке матово поблескивал длинный малайзийский кинжал.

– Слушай, Хай, – сказал он. – Что-то мне совсем больно. Умру?

– Не сегодня, – разочаровал я его, засовывая пистолет в кобуру.

Рядом с ухом одного из погибших бандитов я заметил на дороге горошину высокочастотной рации. Пришлось, преодолев отвращение, поднять ее, переключить в пассивный режим и сунуть себе в ухо, чтобы быть в курсе переговоров противника, а самому оставаться неслышимым. Эфир надрывался вопросами о местонахождении друг друга. Голосов было много.

– Хай, мне холодно! – простонал Коча.

Я подхватил австралийца на руки, благо весил он килограммов шестьдесят, не больше, закинул на плечо, как бара-

на, и побежал в сторону от дороги, прислушиваясь к голосам рэкетиров в эфире.

– Кинжал свой сунул бы в ножны! – посоветовал я. – А то задницу мне продырявишь.

Коча послушался, но уже молча. Похоже, досталось ему действительно крепко.

К рассвету мне удалось отбежать километра на два к северу от города. Учитывая ношу – не так уж мало. Голоса бандитов в эфире перестали мне докучать, сделавшись тише, а затем и вовсе пропали. Однако рацию я решил из уха не вынимать – с ее помощью всегда можно будет заранее узнать о планах противника. А бежать она почти не мешает.

Коча тяжело и часто дышал, по всей видимости, у него начался болевой шок. Я знал, что такое попадание винтовочной пули в ногу, хотя и не на собственном опыте. Дело страшное, и кость наверняка не просто переломана, а частично раздроблена на осколки. И костный мозг частично выбит, понятное дело, обеспечивая значительную кровопотерю. В таких случаях ни жгут, не перевязка особого эффекта не дают, поскольку кровь сочится из тысяч перебитых капиллярных сосудов. Но тугую повязку Коче на ногу я все равно наложил, сделав ее из обрывка его же рубахи. Это было необходимо не только для приостановки кровотечения, но и чтобы максимально иммобилизовать место перелома, а также защитить рану от грязи и мух. Больше в этой ситуации я ничем помочь не мог. Для нормального лечения

нужен был антисептик, нужно было обезболивающее, нужен был серьезный регенерант. Ничего этого у меня в наличии не было, поэтому максимум, что я мог сделать, — доставить Кочу как можно скорее в любой населенный пункт.

Примерно к восьми утра, судя по солнцу, мы выбрались на лесную обочину YRT-26. Движения практически не было, но где-то в это время должен был идти транзитный автобус до Лубуклингау. Солнце палило нещадно, вокруг нас кружили мухи, то и дело пытаюсь слизывать кровь с Кочинной раны. Я сломал ветку и отгонял их, напевая песню австралийских аборигенов, которой когда-то выучил меня Коча. Сам он пребывал в забытии, быстро вращая глазами под опущенными веками. Какие видения бродили у него в мозгу? Я не знал.

Минут через пятнадцать я услышал сдвоенный гул автобусных турбин. Автобусы посреди дороги останавливаются далеко не всегда, поэтому мне пришлось выйти на середину дороги и вскинуть пистолет на уровень глаз. На такой сигнал водители останавливаются всегда, я много раз проверял. На поднятую руку с вытянутым в нужную сторону большим пальцем они реагируют не в пример реже. Не моя в этом вина.

Глава 7

Охота

В Лубуклингау, оставив Кочу в госпитале, я устроился на стройку оператором миксера. Ума там никакого не требовалось, поскольку устройство, создающее трехкомпонентный стеновой композит, работало почти в автономном режиме, а на мне в основном лежали функции уборщика – стирать тряпкой выделяющиеся на месте прохудившихся стыков подтеки и убирать вокруг миксера накапливающийся за день мусор. Платили немного, но этого хватало на пропитание и на оплату лечения Кочи, а большего мне не требовалось. Ночевал я в строительном общежитии, что тоже было удобно, поскольку законно. Вообще, если честно, в такой размеренной жизни было много привлекательного, но я знал, что долго она не продолжится. Как только Коча встанет на ноги, мы двинемся дальше на север, подальше от бандитов, поближе к деньгам и цивилизации. Поближе к заводам, где можно найти специалистов, которые, возможно, создадут оружие против биотехов.

Эта мысль не покидала меня. Я снова и снова вспоминал, как мчался на «Агаве» сквозь пространство ночных улиц, вырубая фарами световой тоннель впереди.

«Нужен скоростной подводный аппарат, – думал я, засыпая в общежитии. – Нужен хорошо вооруженный скоростной

подводный аппарат. Тогда, неуязвимые для торпед, мы сможем исследовать их в глубине, в естественной среде обитания, а также уничтожать их при случае».

Иногда я рисовал стилем в тетрадке под мерное урчание миксера, выдающего композит на строительство первого в Лубуклингау сверхвысотного небоскреба. Технология была класса экстра – легкая арматура поднималась ввысь мощным антигравитационным приводом, на котором держалась вся конструкция. Однако оборудование на стройке все было устаревшее, никак не соответствующее высоте замысла. Но я уже слышал, что на материке подобных небоскребов выстроены десятки, а значит, скоро все города превратятся в ниточки вытянувшихся на двухкилометровую высоту башен с маковыми головками антигравитационных приводов на вершинах.

Я пробовал рисовать скоростной подводный модуль. Мне не хватало инженерного образования, это я понимал прекрасно, но мне хотелось прикинуть хотя бы общую схему, чтобы легче было объяснить специалистам, чего я хочу. В библиотеке я набрал книжек по строительству подводных аппаратов и выяснил, что максимальная скорость, которую удавалось развить под водой, не превышала тридцати узлов. А торпеды, я сам это видел, без видимого труда выжимали сорок. Предел их скорости мне не был известен, но наверняка что-то можно было бы понять, сохрани я отцовские записи с зарисовками внутренностей погибших во время шторм-

мов, но не взорвавшихся торпед. Но все тетрадки пропали вместе с «Принцессой Региной», так что об этом можно было забыть. А раз так, то следовало рассчитать аппарат для скорости хотя бы узлов в шестьдесят. Я долго думал, как добиться такой быстроты подводного хода, а потом вдруг сообразил, что надо попросту поменять среду, в которой аппарат будет двигаться. Ведь для газовой среды подобная скорость далеко не предел, там и до сотни узлов разогнаться – нечего делать. Тогда на схеме в тетрадке я нарисовал дополнительные реактивные сопла в носовой части аппарата. Они должны были окутать подводный модуль облаком пара, в котором он и будет лететь, как баллистический лайнер в воздушной среде. А то, что за пределами газового кокона вода, уже не будет иметь никакого значения для динамических характеристик.

Но совершенно непонятным оставалось, чем такой аппарат вооружать. Пулеметы под водой негодились в силу низкой устойчивости пуль в жидких средах, а торпеды, опять-таки, должны были обладать немислимыми на настоящий момент скоростными характеристиками. Как-то раз во сне мне приснился биотехнологический подводный модуль. По сюжету сна мы с Кочей как-то умудрились поймать живую торпеду, обработать ее мутагенными препаратами, обезвредить, а затем вырастить из нее небольшой подводный модуль с предельной скоростью в шестьдесят узлов. Но, проснувшись я понял, что это далеко за гранью реальности.

Наконец, в одно прекрасное утро, когда я в очередной раз позвонил доктору, чтобы справиться о состоянии Кочи, он сказал мне, что пациент здоров и его можно забрать. Не медля я получил расчет на стройке, забрал в общежитии вещички и кое-какие мелкие накопления, после чего сразу рванул в госпиталь.

Быстренько накинув зеленый халат, выданный мне на регистрации, и там же оставив пистолет и Кочин кинжал, удовлетворив настоятельную просьбу охранника, я широким шагом направился по коридору, минуя десятки раздвигающихся передо мной акриловых дверей с красными полосами. Уж сколько раз я навещал тут Кочу, почти каждый день, но почему-то только сегодня госпиталь напомнил мне медицинский отсек «Принцессы Регины», где умер мой отец. Странно. Вроде и сходства особого не было, но какая-то ассоциация – раз, и прыгнула в голову. Не понравилась мне эта ассоциация, ох не понравилась – просто ужас как. Мысль о Коче, с которым вроде же все в порядке, как-то очень холодно и шершаво царапнула сердце. Я вспомнил, как такое же ледяное предчувствие кольнуло меня на палубе «Принцессы», когда Ольга побежала в рубку. Она вернулась, и я успокоился. Оказалось, зря. Предчувствие все же не обмануло меня – через полчаса после Олиного возвращения я потерял ее навсегда. С тех пор пришлось поставить себе зарубочку, что подобные предчувствия сбываются не в тот момент, когда их фиксируешь, а несколько позже. Поэтому, хоть в данный мо-

мент Коча ничего не могло угрожать, я решил быть к нему повнимательнее. Он спас меня от смерти, значит, я должен этому черномазому неряхе.

Коридоры госпиталя были пронизаны солнечным светом, но кондиционеры обеспечивали приятную прохладу. Я добрался до знакомой палаты и распахнул дверь.

– Привет, Хай! – радостно улыбнулся Коча. – Не ожидал тебя утром увидеть. А знаешь, меня выписывают! Прямо сегодня!

– Знаю, я с доктором разговаривал. Вещей никаких тут не нажил? Собирайся, короче.

– Нет, не нажил. Штаны даже, представляешь, порезали совсем, зашить не дали и выкинули.

– Очень хорошо, а то я знаю, как бы ты их зашил.

Коча вздохнул.

– Что же мне теперь, в пижаме идти? – глянул он на меня блестящими черными глазами.

У него иногда взгляд бывал, как у очень умной собаки. Вот ни с чем другим сравнить не могу. Или как у пятилетнего ребенка, совершенно не понимающего, почему же мир вокруг так несправедлив. И почему врачи, такие добрые и заботливые, сперли у него парусиновые штаны. Иногда я думал, что Коча прикидывается, но однажды понял, что нет. Просто у него было какое-то очень особенное понимание справедливости мира. И чаще всего правомерное. Он просто не видел разницы между парусиновыми штанами, которые

не глядя вышвырнули на помойку, и золотым браслетом, который непременно вернули бы. Ему было обидно за штаны, я знал.

– У меня для тебя подарок, – подмигнул я. – Представляешь, я тут заработал немного на стройке и решил как раз прикупить тебе новые штаны, рубашку и даже шляпу.

– Шляпу? – не поверил Коча.

– Именно. Хорошую панаму. Взял две одинаковых – тебе и мне.

Развернув сверток, я бросил обновки на Кочину кровать. Зная его вкусы, я не особенно изгалялся с выбором – взял на рынке белые парусиновые штаны, белую парусиновую рубашку и две отличных брезентовых панамы.

– Хай, ты хороший, – сказал Коча, снимая пижаму и влезая в новые брюки. – Тебя боги будут беречь. Замечательные штаны. Лучше моих прежних. Спасибо. Я тебе деньги потом отдам.

– Не надо, это подарок. В честь твоего выздоровления.

– Спасибо. А нога совсем не болит. Только шрам остался.

– Рассосется, – пообещал я.

Мне всегда хотелось узнать, благодаря каким богам он выжил при ракетном обстреле Рошана, но все как-то язык не поворачивался спросить. Почему-то у меня было ощущение, что эта тема для Кочи особо интимная, иначе он сам бы все рассказал. Но сейчас момент был вполне подходящий, Коча расчувствовался, и можно было из него что-то вытянуть.

– Как ты меня нашел? – решил я зайти издалека.

– Это было просто. Ты бросил дыхательный аппарат в лесу. Я его нашел, потому что знал, по какой дороге ты подойдешь к городу.

– Откуда? – удивился я.

– Когда ты что-то находишь, это всегда происходит на севере. Я запомнил. Все нужные тебе вещи почему-то всегда на севере, поэтому ты всегда уходишь на север и с севера возвращаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.